

Юр. Большухин

Размышления Кожуркина

Размышления Кожуркина

Юр. Большухин

ИЛЬЯ КОЖУРКИН — ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Илья Васильевич Кожуркин с довольно раннего детства — оригинал и выдумщик.

Он, например, любил манную кашу, которую его сверстники ненавидели. Когда мама говорила: «Ильюша, поздоровайся с тетей», он заявлял, что он не Ильюша, а Вася, завтра будет Гришей, а только послезавтра — Ильюшей.

Позднее, когда настала пора футбола с тряпичным мячом, он выдумал футбол-поддавки: побеждала та команда, которая получала (а не забивала) больше голов.

Впоследствии, став инженером по среднему машиностроению, он с помощью блата, ухитрился получить должность директора ресторана «Кавказ». В своем уютном кабинете он сочинял лирические стишки и юмористические рассказы.

Размышления
Кожуркина

Юр. Большухин

**Размышления
Ильи Кожуркина**

Эмили Гавриловне Кандиевой

Jur. Bolschuchin

Die Grubeleien des Ilja Koshurkin

A. Neimanis, Buchvertrieb und Verlag
München 1972

Юр. Большухин

Размышления Ильи Кожуркина

**Книжное дело А. Нейманис
Мюнхен**

1972

Обложка и рисунки Николая Сафонова

Copyright © 1972

by

A. Neimanis, Buchvertrieb und Verlag

Printed in West-Germany

by Buchdruckerei Alexander Schadow, 8 München 80

НА БЕРЕГАХ ПОНТА

Море, как сказано у классика социалистического реализма, смеялось. Накинув легкий халатик чехословацкого производства, Нинель Макаровна, ступая босыми ногами по крашеному под паркет полу, подошла к балконным дверям и распахнула их настежь. Еще не жаркие лучи солнца, не ограничиваясь производством множества шевелящихся на морской поверхности бликов, обласкали ее (Нинель Макаровну).

Было очень хорошо. Не хотелось думать о проблемах усовершенствования органических пластматериалов и даже об оставшемся в Москве муже Славке. Он, по его собственному выражению, сумеет подехать позже, через неделю. В общей сложности, впереди были четыре недели на берегах Понта Эвксинского — четыре недели, полных моря, солнца и блаженной безответственности. И тишины, благодетельной для нервов.

Комната в Доме творческого отдыха была добыта нинелиной мамой, особой влиятельной в

министерстве, хотя и не занимающей высокого поста. У мамы — связи, это главное.

С третьего этажа, стоявший неподалеку теплоход, абсолютно белый, выглядел сказочно. Набережная была асфальтирована. Киоск «Воды, мороженое, газеты» был отделан в виде пряничного домика. Ветви деревьев неизвестных по названию пород мерно качались. До завтрака оставалось полтора часа.

— Граждане, пользуйтесь рейсовыми автобусами для осмотра природных и исторических достопримечательностей нашего побережья — сказал рядом огромный голос. Он исходил из громкоговорителя, высывывавшегося из киоска.

Нинели Макаровне не хотелось пользоваться рейсовыми автобусами. Ей было желательно ничего не делать, никуда не ездить и отдыхать. Она прошла в душевую кабину, комбинированную с санузлом, и, как выражались романисты конца прошлого и начала нынешнего столетия, «подставила тело под бодрящие струи». Последние, однако, совершенно внезапно, без всякого перехода, сделались нестерпимо горячими, и Нинели Макаровне пришлось опрометью прыгнуть из под них, но несколько капель крутого кипятку все таки достигли еще не успевшее загореть и потому очень чувствительное плечо.

Изгибаясь, как баядерка в ритуальном танце, Нинель Макаровна подкралась к душевому крану, успевшему раскалиться, и принялась его крутить.

Изгибалась эта, довольно стройная, женщина вовсе не из кокетства, а лишь ради того, чтобы избежать опасности быть заживо сваренной. И верно: кипящая вода исчезла, сменившись ледяной, причем, в силу очевидной технической неполадки, жгуче-холодные, со страшной силой бьющие водяные нити изменили направление и обрушились на Нинель Макаровну.

После завтрака следовало выждать время, прежде чем отправиться на пляж, и творчески отдыхающие разбрелись по своим комнатам. Усевшись в тщательно продуманное художником-конструктором кресло, формами напоминающее отчасти кастрюлю, отчасти же чемодан, Нинель Макаровна взяла привезенный с собою «Новый мир» и с читательским аппетитом принялась за повесть сравнительно молодого, но весьма догадливого автора.

Было просто удивительно, как смело затрагивал он жгучие вопросы и как быстро, на протяжении двух трех страниц эти вопросы теряли жгучесть.

— Рейсовый автобус номер один отправляется через пять минут, — проговорил огромный голос. Проговорил он из киоска, но казалось, что — с потолка. — Пассажиры, не успевшие занять места, могут воспользоваться следующим автобусом.

Грянула музыка и баритон из тех, которых называют енотовыми, запел про вечер вальса, вечер вальса в нашем клубе заводском. Нинель Мака-

ровна почувствовала, что края кресла-кастрюли режут ей ноги под коленками. Она переменяла позу, причем стукнулась локтем о верхний край кастрюли, отчего пребывающий на внутренней стороне локтя живчик встрепенулся и екнул. Вышло очень похоже на то, как при сверлении зуба острое бора срывается и попадает в зубную мякоть.

В это время раздался второй голос. Он был значительно сильнее голоса киоска и принадлежал теплоходу.

— Граждане пассажиры! — сказал теплоход. — На борту теплохода «Крым» имеются телескопические установки для обзора живописных окрестностей, а также горизонта. В буфете теплохода имеются национальные кушанья, как холодного, так и горячего характера. Теплоход отходит ровно через полчаса.

Грянула музыка, и полилось жирненькое контральто, повествовавшее о том, что в Черемушках черемуха растет и пахнет, а сердце мрет, а сердце мрет и силушки в руках нет. (Что за расточительное богатство рифмы!). Тем временем конструктивно-продуманное кресло делало свое дело: в спине Нинели Макаровны возникла тягучая напряженность, скоро перешедшая в режущую боль. Киоск неустанно взывал:

— Граждане отдыхающие! Приобретайте билеты всесоюзной денежно-вещевой лотереи!

— Если страдаете от жажды, пейте хлебный

квас однажды!

— Имеется большой выбор сувениров — пластмассовых и таких!

— Туалетная вода «Магнолия» бодрит и освежает!

Но и теплоход не сдавал позиций:

— Началась посадка на очередной рейс теплохода «Крым», оборудованного антикачечными приспособлениями. Теплоход отходит через пятнадцать минут! На борту теплохода имеются первоклассные места общего пользования!

Нинель Макаровна попробовала вынуться из кресла-кастрюли, но оно не отпускало. Заметив никелированный рычажок, отдыхающая сообразила, что нужно этот рычажок нажать. Однако, от нажатия кресло сильно вздрогнуло и откинулось назад, Нинель Макаровна увидела прямо над своими глазами люстру в форме опрокинутого ленинского мавзолея. Люстра почему-то качалась. Двигая мощным инстинктом самосохранения, Нинель Макаровна подняла ноги, поболтала ими в воздухе и перевалилась на бок. Кастрюля с жестяным грохотом упала, освободив, наконец, свою жертву.

— Возобновили ли вы подписку на периодические издания? — вопрошал киоск.

— До отплытия теплохода осталось десять минут! — гремел теплоход.

— В летнем ресторане «Абхазия» имеются всегда горячие чебуреки! — соблазнял киоск.

— На борту теплохода имеется стационарная кинопередвижка! До отплытия осталось пять минут...

— Посетите ресторан «Абхазия». Осталось двадцать чебуреков.

— До отплытия теплохода осталось четыре минуты...

— Пятнадцать чебуреков... Двенадцать чебуреков... Восемь чебуреков...

— Пять чебуреков...

— Три минуты... Две минуты... Одна минута... Петя, отдай концы!

Могучий бархатный рев теплоходного гудка заглушил дальнейшие сообщения об оставшихся чебуреках.

Нинель Макаровна, потирая бока, доплелась до кровати. В дверь постучали, вошла горничная — делать уборочку.

— Скажите, роденькая, это у вас каждый день так? — спросила Нинель Макаровна.

— Это вы за радио? — отозвалась та. Вопрос Нинели Макаровны был девушке не в диковинку: его задавали все новички в Доме творческого отдыха. — Аккурат каждый день! Потом привыкнете. Это у нас междуведомственное соревнование. Обязательства взяли, нельзя... А вы никак у кресле сидели, бедненькая? Напарница моя вас вчера не предупредила?

— Нет, а что?

— Да ничего. Кресло экспериментальное, про-

ходит период технической обкатки, может травмировать.

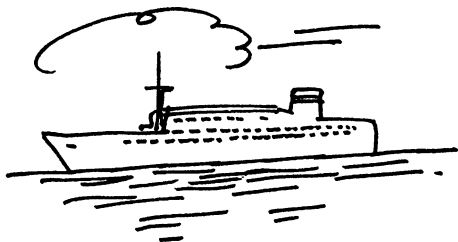
— Уже! — горестно призналась Нинель Макаровна. — Вы вот что, лапонька. . . Вы себе приберите, а я полежу, а постель потом сама сделаю.

— Лады, — ответила горничная. — Отдыхайте, гражданочка, часок, а потом сматывайтесь на пляж до обеда, чтоб вас у комнате не было!

— А что?

— Второй теплоход придет потому что. У него радио помощнее. Как это учнут соревноваться с киоском — беда! Барабанки лопаются!

Нинель Макаровна вскочила, сунула ноги в тапочки, схватила темные очки, простыню и «Новый мир» — и помчалась пляжиться. Море смеялось.

СУЩЕСТВА И ВЕЩЕСТВА

Преподавание в кулинарной школе им. 1-го съезда советских писателей ведется, преимущественно, теоретически.

— Итак, Маруся, обрисуйте нам в общих чертах, какие принципы положены в основу общественного питания, а также остановитесь подробно на технологии борща флотского.

— В основу общественного питания нашей страны положены принципы — эк-хммм!

— Что?

— Ничего, это я откашлялась.

— Нуте-с, нуте-с! Продолжайте.

— Эк-хммм! Значит, в основу положены принципы, которые базируются на основе.

— Тэ-экс. На основе. Дальше!

— На основе, значит, которые принципы базируются... базируются на основе вечно живого учения марксизма-ленинизма!

— Совершенно правильно. Вечно живого. Излагайте далее.

— Мы знаем, что когда Владимир Ильич про-

живал в ссылке в селе Шушенском, то он... завтракал. Да.

— Это верно. Ну, а дальше?

— А дальше... Он после завтрака садился и писал свои вечно живые произведения.

— Да. Ну, и что же?

— Потом Владимир Ильич обедал.

— Так.

— После этого он опять садился.

— То есть, как это — садился?

— Ну... на стул.

— На стул садился?

— Да.

— Я бы попросил излагать конкретнее.

— Я конкретнее. Эк-хम्म! Владимир Ильич садился на стул и составлял свои вечно живые принципы. Потом он садился ужинать, а после ужина садился...

— Послушайте, Маруся, вы, может быть, не приготовились отвечать?

— Вовсе я приготовилась! Владимир Ильич садился...

— Достаточно. Вас послушать, так выйдет, что Владимир Ильич только и делал, что садился. Коснитесь наконец борца флотского, обрисуйте технологию.

— Сейчас коснусь. Технология, которая борца флотского, базируется на основах вечно живого, которого учения.

— Стоп! Что вы положите в борца?

— В борщ? Эх-хम्म! В основу борща флотского должны быть положены вечно живые принципы. . .

— Слышали уже о принципах! Свеклу в борщ надо класть?

— Свеклу? Можно и свеклу.

.
Нелегко, в самом деле, увязать технологию борща флотского с вечно живыми принципами Ильича, который садился. И с Маруси, которая сегодня учится в кулинарной школе, завтра сооружает в кухне общественной столовки отвратительные блюда, а послезавтра выскочит замуж, — с Маруси взятки гладки. Но вот Гаврилыч! О, это совсем другое дело!

Приехав в славный город Калач и находясь в рассуждении, чего бы покушать, вы, по совету первого встречного, отправлялись к Гаврилычу. Боже упаси, он не был частником. Он был шеф-поваром районной столовой. И какие он стряпал бифштексы! И какие деволяи по киевски, и розбраты под вилку, и салатикаки весенние, и щи, и борщи, и пельмени! Все продукты у него, так бы выразиться, пели гармоническим хором, даже какая-нибудь немудрящая селедочка, разделанная творческой рукой, обретала магически-завлекательные свойства.

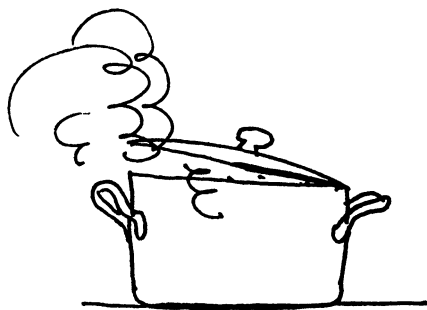
Где же вы, родненький, Иван Гаврилович Моргунов, кого стоустая молва нарекла уважительно-фамильярным полуименем? Уехал чародей, по-

кинул Калач и осчастливил своим присутствием иной, нам неведомый град. Нынче в Калаче кушанья районной столовки уже не поют гармоническим хором, а только сипло покрякивают. Что такое — жареная картошка? Простая совокупность картошки, масла, щепотки соли, а вот поди ж ты! Гаврилыч, Петрович, Кузьмич — мало ли было их, вдохновенных умельцев — поджарить эту самую картошку так, что, при одном только виде ее, у посетителя, выражаясь словами поэта, «кишки дрожат, как готтентотки»!

А дюжинный повар или повариха сварганят нечто вялое, унылое, припахивающее мочалкой.

Ибо в поварском деле, все равно, как в поэзии, должна присутствовать магия, дающаяся, прежде всего, талантом, затем — мастерством. Ни вечно живое учение, ни готовность нести общественные нагрузки, ни отличное знакомство с историческими решениями партии — ничто не поможет, если нет гастрономического таланта.

По всей Руси великой скучно стали есть. Не едят, а питаются. Вводят в организм общественно-питательные вещества. Вещества невкусные, а ценны дорогие. Счастлив, у кого домовитая мама, теща или жена, которой не нужно ходить на работу. Такие могут есть и даже кушать.

ЧЕЛОВЕК В ДЕМИСЕЗОНЕ

Отец мой, Иван Михеевич Кожуркин, слесарь-инструментальщик Путиловского завода, однажды поздним мозглым вечером возвращался домой от приятеля, у которого собирались члены рабочего социалистического кружка якобы для пирушек, а на самом деле для проработки нелегальной литературы. Была глухая осень царской реакции. Буржуазная городская дума скупилась на фонари и вокруг царила тьма.

Отец шел и размышлял о судьбах революционного движения, как вдруг его окликнули. Пред

ним стоял среднего роста и возраста плечистый человек, одетый в среднего качества демисезонное пальто и шляпу-котелок, а рядом с ним — одетая во все скромное женщина, или, как тогда выражались, дама.

— Простите, многоуважаемый, — вежливо произнес незнакомец, — не могли бы вы указать нам (если, конечно, это вас не затруднит), где здесь находится ближайшая извозчицкая стоянка?

— Нету здесь никакой стоянки, — отвечал отец. — Здешний народ на извозчиках не катается: не по карману, а чистая публика сюда, почитай, и не заглядывает. Нашего брата-мастеровщины опасаются, да по правде, и нечего тут чистой-то публике делать. А вы, господин, потрудитесь пеши вон до того угла, там завсегда фараон торчит, городовик, то есть. Он вам какого ни на есть ваньку схлопочет.

— Очень вам благодарен, милейший, — сказал незнакомец, — хотя, откровенно говоря, я бы предпочел не обращаться к услугам сего стража порядка.

— Правда, Володя, правда, — подтвердила мелодичным и приветливым голосом его спутница, — ну его совсем, этого фараона!

— Да нам, собственно, нужно в противоположную сторону, — заметил человек в демисезонном пальто, — двинемся помаленьку по образу пешего хождения, а там на конку сядем.

Моему отцу оказалось по пути с ними. Разго-

ворились. Мужчина в котелке назвал себя земским статистиком из Елабуги. Продолжая беседовать, они подошли к невзрачному дому, где жил отец, и, по приглашению, охотно посетили такового.

За чайком, приготовленным моей матерью, завязалась непринужденная сердечная беседа. Гость живо интересовался условиями труда питерского пролетария и обрисовал в простых, но понятных выражениях задачи, стоящие перед рабочим классом. С хитрой прищуркой своего пронзительно-человечного глаза он предостерег от доверия к меньшевистствующим лже-марксистам, всем этим каутскианцам, социал-предателям, а также эсерствующим мелкобуржуазным интеллигентам, являющимся, по сути, подголосками кулачья. Он выразил уверенность, что под руководством партии нового типа, пролетариат сумеет достичь Великой Октябрьской Социалистической Революции и построить крепкую и несокрушимую Власть Советов, которая даст сокрушительный отпор проискам мирового империализма. «Это архи-определенно!» — закончил гость, подымаясь.

— Правда, Володя, правда, — подтвердила его спутница, озаряясь своей мелодичной улыбкой.

Проводив дорогих гостей до конки, мой отец вернулся домой, но долго еще обменивался с моей матерью незабвенными впечатлениями.

Так, много десятилетий назад великий Ленин (это был он!) показал моим родителям научно-пророческую картину будущего, в котором мы се-

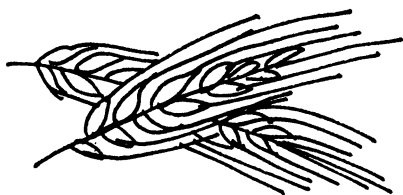
годня отмечаем величественную картину прошлого.

Моего отца звали не Иваном Михеевичем, а Василием Никодимовичем. Он был не слесарем-инструментальщиком Путиловского завода, а бухгалтером отделения Азовско-Донского банка в Ростове на Дону. Он никогда не встречался с Лениным и в 1937 году был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Уругвая.

Но от этого воспоминания о Ленине, приведенные выше, не становятся менее достоверными. Именно такие воспоминания печатаются в Советском Союзе, и я беру на себя смелость заявить, что у меня получилось как-то даже убедительней. Мне особенно нравится «хитрая прищурка» Ильича, его выражение «архи-определенно» и набросанная мягкими мазками пленительная фигура Надежды Константиновны. А разве не трогательно, что вождь не брезгует рабочим чайком в скромном жилище питерского пролетария. . .

И вообще с помощью незатейливого набора шаблонов, десятки тысяч раз побывавших в употреблении, разве не заманчиво вложить и свой пяточок в сокровищницу соцреализма? Не удивлюсь, если мое произведение появится на страницах советской печати за другой подписью.

Сделайте одолжение. Как говорится, для хороших людей добра не жалко.

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Это будет реалистический, хотя и не соцреалистический рассказ о Товарище Урожае и о людях, которые о нем заботятся. Точнее, о людях, заботящихся о том, чтоб другие люди заботились о нем, о Товарище Урожае.

Начинается рассказ с осени, когда предыдущий урожай собран и засыпан в закрома Родины с большой буквы. Если кого-нибудь интересует вопрос, почему с большой, извольте, объясню. Слово родина означает родину, но то же слово, написанное с большой буквы, означает СССР. В старое время родиной называли местность, где человек родился, родную же страну называли отечеством и в особо патетических контекстах писали с большой буквы. Была незамысловатая песенка, очень, однако, точно определявшая оба понятия:

Есть у нас отечество — Россия,
Есть у нас и родина — Рязань.

Характерно, что в старое время не говорилось и не писалось о «закромах Отечества», или о «закромах родины». Однако, я отвлекся.

Так вот, редактор районной газеты «Трудовой путь», товарищ Загулло, сидя в своем неудобном, но торжественном кресле, диктовал лучшей машинистке Люсе.

— Большими буквами, кавычки — Товарищ Урожай, кавычки, подчеркните. С красной строки. Наступила осень. Точка. С деревьев осыпается листва. Зачеркните. С деревьев осыпались листья. Точка. Сделайте из точки запятую. . . а уж на широких полях нашего Верхне-Бородинского района в основном закончился сбор основных. . . Зачеркните «в основном». . . культур и полновесное зерно в количестве. . . Оставьте свободное место, я потом проставлю цифру.

Редактор вытянул шею и заглянул в страницу.

— Люся! Вы меня убиваете! Я вам говорю оставить свободное место в строке, а вы так и лупите: «Оставьте свободное место»! О чем вы думаете, Люся? Забейте эту ерунду. Да не все, а только ерунду, я вам говорю! Что вы на меня уставились, несчастная?

— Откуда начинается ерунда? — пискнула машинистка.

— Ах, вы не знаете, откуда начинается ерунда! Очень мило. Я бы принял это за сарказм, если бы не знал, что ваша. . . гм. . . наивность безгранична. Что? На чем мы остановились? Оставили

свободное место? Ладно. Широким потоком, зачеркните «широким», надпишите: «золотым», потекло добротное зерно. Зачеркните «добротное». . . в закрома родины. Точка. Абзац.

Редактор закурил сигарету (он следовал моде и курил сигареты вместо папирос) и собрался было творчески задуматься, но заметил, что из машинисткиных глаз капают на клавиатуру слезы.

— Вы что?

При этом вопросе Люся положила обе руки на клавиатуру, а голову на руки. Ее пухлые плечи стали сотрясаться, а завитки на шее («каренинские» — подумал редактор) слегка шевелились. Вместо того, чтобы творчески задуматься, товарищ Загулло, бывший, по совместительству, еще и писателем, творчески догадался, что Люся обижена, точнее — оскорблена. «Странно», подумал редактор. «Что я такого сказал, на что это полновесное дитя могло обидеться? Про наивность? Ах нет: про сарказм! Вот ослица-то Валаамова!».

— Люся! Ну, будет вам! Уверяю вас, что «сарказм» — вполне цензурное слово, а не ругательство. Сарказм значит — едкая насмешка, понятно? Я подумал, что вы надо мной насмехаетесь, когда вы спросили, откуда начинается в моей статье ерунда. Вот и все. Зачем же плакать? Ну, давайте работать дальше!

Машинистка полезла в сумочку, вытащила платочек с кружевцем и осушила свои красивые, коро-вьяго типа, глаза. Время для творческого раз-

думья было редактором упущено. Да в сущности, не было в раздумьи и надобности: из года в год редактор диктовал одно и то же. Менялись только цифры да еще машинистки. Последние — потому что выходили замуж и оставляли работу в редакции. Дело в том, что если девушка работает машинисткой в редакции, она тем самым приобретает необъяснимую заманчивость в глазах районных кавалеров.

— Однако, запятая, уже сегодня, не медля ни одного лишнего часа, запятая, необходимо позаботиться о создании условий для Товарища Урожая следующего года, точка. Написали? Да нет, это я вас спрашиваю, написали ли вы? Не всяко лыко в строку! Что вы делаете, Люся, зачем вы про лыко?

— А я же откуда знаю — или вы диктуете или вы разговариваете?

— «Или я диктую»? О-хо-хо-хо-хо! Ну хорошо, я буду диктовать, а если понадобится разговаривать, то я предварительно постучу вот так. . .

Он постучал согнутым пальцем о стол. Машинистка подумала, обижаться ей, или не обижаться и решила, что не надо.

— Итак, диктую. В частности, все мы обязаны принять меры к тому, чтобы впредь не повторялись отдельные отрицательные явления, которые, к сожалению, еще имеют место на сегодня.

Он замолчал и вспомнив, что обещал жене зайти в кооператив — забрать забронированные для

нее завмагом чехословацкие ботики, заторопился. Наскоро перечислил отрицательные явления. Заключались они в том, что, несмотря на планы, графики, проверочные рейды, заседания райкома и прочее, Товарищ Урожай каждого года зависел, в сущности, от случая. То запаздывали со вспашкой, то посевной материал оказывался некондиционным, то не завозили минеральные удобрения, то эти удобрения оставались лежать возле железнодорожной станции, то — и это повторялось регулярно каждый год — в критическое время подводила техника.

Продиктовав, в надлежаще смягченных и закругленных выражениях все, что полагалось, редактор приделал бодрую концовку о разворачивании соревнования навстречу тому, чему полагается и сказал:

— Все!

Люся лихо выхватила из под валика последнюю страничку, отчего машинка издала краткое рычание, и протянула результат совместных трудов редактору.

— А ни разу и не постукали! — сказала она нежно, сияя коровьими глазами.

— Ага, — ответил он машинально и принялся читать свое произведение. «Почему она вместо «не постукали» говорит «не постукали»? Черт их знает, чему их в школе учат!

Пробежав статью, он остался доволен. «Мочал-

ка, разумеется, однако в общем и целом, на уровне».

— Иван Петрович! — крикнул он ответственному секретарю. — Сдавайте передовичку в набор, а я поскакал в райком.

— Есть такое дело, — с готовностью ответил, показываясь на пороге, секретарь, а сам подумал: «Как же, в райком! За ботиками небось к Сидорчуку. . . Хорошо, что я догадался утречком к нему заскочить, а то быть бы моей Валентине без чехословацких бот, а моей голове — прогрызенной до основанья, а затем. . .»

ЖИВАЯ КОПЕЙКА

Толкуют, что в Советском Союзе имеются отдельные затруднения с хорошей жизнью. Но все таки я не стану огульно хаять тамошнюю действительность, поскольку в ней существуют возможности наладить свое бытие, а следовательно, и сознание. Ну, допустим, индивидуально выращивать раннюю морковь. Или чего-нибудь паять-лудить в порядке индивидуальной помощи новоселам.

Живая копейка — она таится повсюду, нужно только уметь ее извлечь. И вот перед нашим восхищенным взором высится величественная фигура Александра Макаровича, мастера живой копейки. Впрочем, что копейка: условность, образное выражение. Александр Макарович ворочает густыми тысячами, причем не совершает никаких законопреступных деяний.

Не взывает калыма с «левых» пассажиров. Не оставляет неоприходованными материальные ценности и денежные суммы. Не снабжает государственные и кооперативные стройки крадеными

шпингалетами и не устраивает липовых экзаменов отпрыскам влиятельных и состоятельных семей. Он чужд комбинаторства, мелкого и даже крупного блата. Он чист, как свежепросольный огурчик и праведен, как слеза колхозной пенсионерки. Он просто-напросто уникален. Сфера его действий — слово.

Здесь я должен остановиться и выслушать возражения.

Позвольте, позвольте! Как это: и уникален, и сфера действий — слово? Ведь в этой сфере пребывают члены Союза советских писателей, обозначаемые в общем количестве пятизначным числом. О какой же уникальности может идти речь в данном случае? Разве писатели, состоящие в ССП — одиночки? Нет, они — члены коллектива, они выступают стройными рядами, поротно и побатальонно, повинуюсь мановению некоей десницы.

Согласен. Все это так, и тем не менее, Александр Макарович единственный в своем роде. Пока — единственный, ибо пример его несомненно вызовет, и вероятно, уже вызвал подражания. Ибо великий человек открыл золотое дно в российской народной словесности. Заметьте: именно в народной. Конкретнее: в пословицах и поговорках. То обстоятельство, что пословицы и поговорки собраны В. И. Далем свыше столетия назад и что после Даля их продолжали собирать, нимало не тревожит остроумно-изобретательного Александра Макаровича.

Он не собирает пословицы и поговорки — он их сочиняет.

Это очень приятное и прибыльное занятие. На-сочиняв несколько тысяч, тащит в издательство. Издательство издает, сочинитель огребает гонорар. Продукция исключительно созвучна генеральной линии партии, остро-современна, идеологически безукоризненна.

«Нормы занижены — дела засижены».

«Коллективно жить — не зря небо коптить».

«Хозрасчетная бригада — потерям преграда».

«Кто боится грязи — не проведет связи».

«Шпиона поймаешь — много узнаешь, шпиона не поймаешь — ничего не узнаешь».

Ничто не укроется от зоркого ока и предприимчивого пера сочинителя народных речений-изречений. На все случаи жизни найдет он в своем обширном уме подходящую жемчужину.

«Воля народа сильнее и атома и водорода».

«Мало аттестат взять, надо его оправдать».

«Волокита хуже москита».

«Язык дружбы разных широт до фестиваля доведет».

С непривычки может показаться невероятным: как это один-единственный автор может нахлопать столько истинно народных пословиц? Не иначе как он привлекает к делу все свое семейство. Сядут в кружок — и начинается:

«Вижу я в стене окно»... — произносит, допу-

стим, дедушка. А бабушка подхватывает: «Свет пропускает оно».

— Отставить! — вмешивается Александр Макарович. — Обще и расплывчато. Нет партийного острия. Берем окно за исходную точку. «Не только свету, что в окне». . . Давайте дальше.

— Придумала! — кричит восьмилетняя Лялька. — «Не только свету, что в окне — Буденный скачет на коне».

Бабушка целует находчивую внучку. Дедушка незаметно смахивает набежавшую слезу умиления и делает вид, что ему в глаз что-то попало. Мама победоносно обводит присутствующих гордым взором. Александр Макарович строг и требователен.

— Гм-да. . . Романтика гражданской войны, эстафета поколений и тэ дэ. Годится для пионерского костра, но. . . Где заостренная мораль речения, где сегодняшний день? Где, я вас спрашиваю?

Все съезживаются и понижают долу, а Лялька искоса заглядывает под сервант на ножках: не завалился ли там сегодняшний день.

— Вообще, учтите, братцы-кролики, что упоминание каких бы то ни было фамилий (кроме, разумеется, Ленина Вэ И) нежелательно. Сегодня он скачет, завтра плачет. . .

Александр Макарович хватает блокнот и шарописку, спеша записать случайно родившуюся наметку будущей пословицы насчет скачет-плачет. Потом надо будет втиснуть промеж этих рифм по-

учительное содержание. Например: «Где руководитель от общественности прочь скачет, там производство плачет».

— Итак, что мы имеем на данный отрезок? Мы имеем на данный отрезок: «Не только свету, что в окне. . .» Прошу вносить предложения.

«Не только свету, что в окне — пошлем империалистических агрессоров к сатане». Это проносит супруга Александра Макаровича.

— М-м... ничего. Хотя нет! Во-первых, нескладно: причем тут окно? Во-вторых, как бы это выразиться. . . Сатана, что там ни говорите, все таки тоже опиум.

— Папа же сказал: не называть фамилий! — укоряет маму шустрая Лялька.

— Хе-хе, да нешто это фамилия? — смеется дедушка и опять смахивает набежавшую слезу.

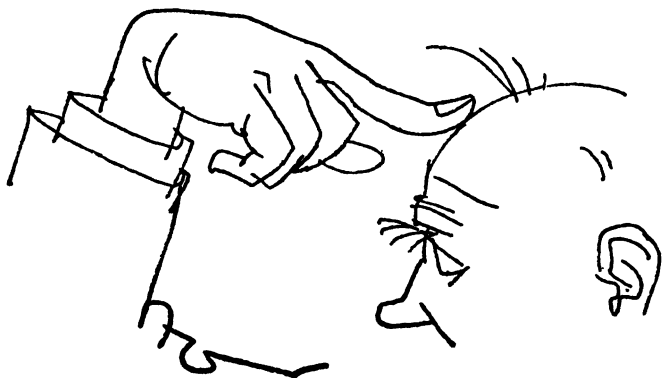
— Но конечно же фамилия. Папа сказал: называть товарища Ленина, а мама назвала товарища Сатану.

— Ну ладно там трепаться! — прекращает возгоревшуюся было дискуссию глава семейства. — Ближе к делу. На чем мы остановились? «Не только свету что в окне». . . Отставить «не только»! Уводит от темы. Вот:

«В каждом окне». . . Нет, как-то куцо выходит. «В каждой двери, в каждом окне». . . Тоже нехорошо: почему именно в двери? Э-э-э. . . Как бы это?.. «В каждом проеме. . .» Можно сказать — в проеме?

— Можно выразиться: в каждом отверстии, — робко замечает бабушка.

— Вы бы еще сказали: в каждой дырке! Не серьезно мыслите. Нашел!

«В каждом большом и малом окне свет коммунизма видится мне». Вот! Это вам не отверстие! Впрочем, нет. «Видится мне» — индивидуалистично. Не ощущается живительное дыхание коллектива. Не «мне», а — «нам»! — вот тогда будет в самое яблочко. «В каждом большом или малом — тарирарам — свет коммунизма видится нам».

— Как это — тарирарам? — вопрошает жена?

— Не тарирарам, а какое-нибудь слово на -ам. «В каждом окне». . . Вот черт! Давайте слова, чтобы рифмовали со словом «нам». Ну, скоренько:

нам — вам — драм — панорам — столам — пирам — горам. . . Пошевеливайте мозгами!

— Байрам? — предлагает бабушка.

— Эх, куда хватили!

— Сиам? — подает голос бабушка.

— Стакан! — выкрикивает Лялька, и бабушка уже готовится незаметно смахнуть набежавшую и т. д., но Александр Макарович властно говорит:

— Баста! Отставить ам. Внимание! «В каждом окне родимой страны свет коммунизма видим все мы». Точка. Заметано.

.
Но лично мне думается, что вряд ли все таки Александр Макарович прибегает к коллективному творчеству: уж слишком много с ним меледы. Творит самостоятельно. «Коллективно творить — может времени не хватить» — сказал бы я, со своей мелкобуржуазно-индивидуалистической колокольни. А времени-то у Александра Макаровича в обрез: издательства торопят. Не терпится им обогатить страну самоцветными россыпями истинно-народного творчества.

И хочется мне закончить эти размышления каким-нибудь псевдо-народным изречением в духе Александра Макаровича, вроде:

«Сочинением пословиц заниматься — как сыру в масле кататься».

ОПЕРАЦИЯ «СМЕРДЯКОВ»

Как известно, культура в Советском Союзе достигла необыкновенно высокого уровня и даже перехлестнула через этот уровень. Она попросту вываливается наружу, подобно слишком густой каше, заваренной неопытной хозяйкой и выпирающей из горшка.

Докатилась эта крутая культура и до города Клинцов Брянской области. Там был занаряжен фильм — «Братья Карамазовы» по роману Достоевского. Дабы подготовить клинчан к такому крупному явлению искусства и, выражаясь специальным языком, «обеспечить высокий процент посещаемости» кинотеатра, местная контора Кинопроката расклеила очень хороший плакат, на котором, кроме изображения нескольких действующих лиц, есть наименование фильма — крупными буквами, и еще кое-какие сведения о нем — шрифтом помельче.

— Этого, однако, мало, — решили в конторе Кинопроката. — Надо хотя бы вкратце объяснить

публике содержание картины. Пушай знают, на что идут!

И объяснили. Получилось так:

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ

Этот фильм скоро выходит на экраны города и района. В основу его положен действительный факт — подготовка и проведение чрезвычайно важной разведывательной операции в конце Великой Отечественной войны.

К и н о п р о к а т

Чертовски жаль, что образованные деятели кинопроката поскупились на дальнейшие подробности. Будь я на месте этих достойных патриотов, я непременно составил бы небольшое либретто, примерно, такое.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ (ОПЕРАЦИЯ «СМЕРДЯКОВ»)

В средней руки городе, расположенном в прифронтной полосе, проживает крупный немецкий шпион-резидент Федор Карамазов, связанный также с американским ЦРУ. К Федору, пожилому старику, приезжает из столицы его сын Иван. В городе в то же время находится другой член семьи Карамазовых — сын Дмитрий, самоотверженно бежавший из немецкого плена и организовавший партизанский отряд «Смерть мухам». Такое название дано отряду безумно отважных окруженцев по соображениям конспирации: действительно имя отряда — «Смерть захватчикам».

Имеется также младший сын Федора — Алеша, молодой сектант, а также не принадлежащая к карамазовской семье некая Грушенька, женщина без определенных занятий.

В результате многих приключений и таинственных обстоятельств, Дмитрий, узнав о подлинной недопустимой роли отца, намеревается его убить, но предатель Родины, догадавшись об этом намерении сына-патриота, умирает сам. Так ему и надо!

Дело начинается, как говорится в древней народной поговорке, «пахнуть керосином». Оказывается, что сын Иван прибыл к своему позорному отцу с заранее обдуманном поручением партизанского управления «Большой земли», причем не один, а сопровождая члена подпольного обкома партии тов. Чорта, на которого было возложено общее руководство операцией. Последний связывается с возглавителем нашей разведывательной группы тов. Узнавайтис, находящимся в городе под псевдонимом «Смердяков».

В решительный момент по дислоцирующимся в районе села Мокрого оккупантам наносится сокрушительный удар, в котором принимают участие также прозревший от религиозного дурмана Алеша и Грушенька, оказавшаяся летчицей-комсомолкой.

Гремит оглушительная артиллерийская серенада. Ревут «катюши» и «андрюши». Над берлинским рейхстагом развевается красное знамя. Круп-

ным планом показывается искаженное от злости лицо американского генерала Пентагона.

Величественно плывут звуки излюбленной народной песни «Славься, славься, наш Леня родной!»

Автор сценария заслуженный артист Дагестанской республики Ф. М. Достоевский удостоен за свою работу высокой правительственной награды.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОПАГАНДЫ

Первого пропагандиста, Змея (или, если угодно, Змия), уговорившего Еву сорвать запретный плод, понять можно: он, Змей, был вполне убежден, что владеет истиною в полном объеме. Кто полагает, что владеет истиною, тот будет навязывать ее всем и каждому, не разбираясь в средствах.

«...откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло».

Прародители наши, вкусив от запретного плода, действительно, стали различать, «что такое хорошо, что такое плохо», но вовсе не сделались «как боги», а наоборот, познали всякую юдоль земную.

Но Змей, он же Змий? Дав коварный совет, он и сам понес крайне неприятные последствия: стал отверженцем среди всех тварей, вынужден передвигаться ползком и пребывать в вечной вражде с потомством Евы, поражающим его в голову. А ведь, будучи в раю, Змей превосходил всех животных хитростью, по нынешнему сказать, интеллектом.

И все это произошло исключительно потому, что, располагая некоторыми данными, Змей составил тоталитарную концепцию и принялся ее осуществлять.

Однако, я собирался потолковать не о тоталитарных концепциях, а о пропаганде. Второй по счету пропагандисткой была Ева, убедившая мужа отведать от плода древа познания добра и зла... Результат известен: изгнанным из рая пришлось в поте лица осваивать целинные земли.

Приступая к освоению целины, Адам воткнул в землю одиннадцать прутиков и бросил призыв:

— Садам цвести!

И таким образом оказался третьим от сотворения мира пропагандистом.

С тех пор и пошло.

Обстоятельства складывались так, будто старались оправдать теорию Карла Маркса, которого, однако, еще не было. Человечество умножалось, экономика создавала базу, на коей, как грибы, возникали всякого рода надстройки. Но поскольку отсутствовали марксистские первоисточники, по которым можно навести в нужный момент справку, то случалась путаница.

Пещерный человек по имени Рры наделал множество иголок из рыбьих костей. Такими иголками было очень удобно сшивать шкурки опоссумов для вечерних пещерных туалетов. Движимый жаждой первоначального накопления, Рры заставил свою главную жену и двух конкубинок про-

хаживаться по тропинке к водопою, демонстрируя новые модели. Это была разновидность пропаганды — коммерческая реклама. И она действовала.

Модницы брали иголки нарасхват, платя за них разным продовольствием, как например, гипопотамовыми отбивными, улитками, грибами и прочим. Хранить запасы скоропортящегося сырья было неудобно, и поэтому Рры стал принимать в уплату за иголки исключительно орехи куа-куа. Он установил паритет: одна иголка стоила три ореха (гениальный Рры дальше трех считать не умел).

Говоря иными словами, возникло денежное обращение.

Это глубоко возмутило колдуна Рру.

— Ты что же это, валютчик этакий? — обрушился он на первого финансиста. — Ты куда забегал? Это что тебе — Воллстрит? Да знаешь ли ты, прохиндей несчастный, что мы живем в эпоху натурального обмена, а деньги возникнут не раньше чем через эн плюс единица лет? (Шаман умел считать до четырех, но на всякий случай предпочел выразиться неопределенно).

Рры, естественно, струсил.

— Да ведь я, ваше чародейство, по глупости. Вы наши отцы, мы ваши дети. Нешто я — што? Люди мы темные, земля наша малая, куренка, скажем, и того выпустить некуда, — оправдывался он, отчасти заимствуясь из будущих «Плодов просвещения».

— Ты мне еще про шилишпера расскажи! — саркастически оборвал его колдун цитатой из грядущего чеховского «Злоумышленника».

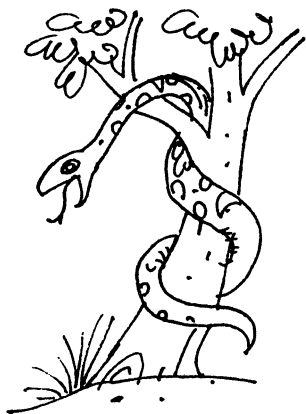
— В нашей реке не живет шилишпер... — пробормотал было Рры, но сконфузился и умолк.

Раз пущенная в ход мысль, овладев массами, превратилась в реальную силу. Какие-то предприимчивые пещерники принялись торговать зубочистками и лавровым листом, другие основали компанию зебровых такси, третьи, совсем обнаглев, стали предсказывать будущее по теням от листвы, а четвертые начали выпускать устную газету «Вестник Неолита». За все товары и обслуживание взималась плата все теми же орехами куа-куа.

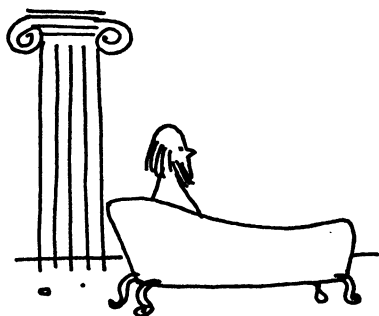
Колдун Рру, объединившись с иголочным фабрикантом Рры, повел широкую разъяснительную работу, внушая населению, что, хотя слишком поспешное хождение по путям прогресса чревато большими опасностями и ведет к перегибам и скатыванию в мелкобуржуазное болото, но уж так и быть, они, т. е. Рру и его верный соратник Рры, готовы руководить процессами общественной экономики. С тем, однако, чтоб из каждых трех орехов один вносился в кассу (за кассой сидела главная жена Рры, роскошная дама по имени Ту).

Устная газета «Вестник Неолита», как идейно незрелая и слишком забегающая вперед, была заменена «Палеолитическими Ведомостями», редактор был смнен, а предсказывать будущее стал

сам шаман Рру. Было также объявлено, что истина находится всецело в ведении коллективного руководства (Рру-Рры), куда и надлежит обращаться в случае возникающих недоумений.

С тех пор прошло немало лет. Пещеры сменились высотными зданиями, орехи куа-куа уступили место банкнотам, зебровые такси давно перестали быть новинкой и обратились в ничто перед дерзостным завоеванием космоса. Победным маршем прошли по просторам отечества примус, лампочка Ильича, застежка «молния» и соцреалистический соцреализм. И вообще, все очень изменилось. Не изменились только две вещи: монопольное владение истиной и пропаганда. Первый пропагандист Змей, как и миллионы лет назад, передвигается на пузе, но последнего пропагандиста что-то не видать. . .

АРХИМЕД

Задача такая:

Архимед, открывши известный закон, выскочил из ванны и побежал по улице, выкрикивая: «Эврика!» Как поступил бы ты, имея ум Архимеда и твой современный характер?

Задача эта была предложена участникам конкурса, устраиваемого студенческим отделом «Комсомольской правды». Конкурс — на право называться самым остроумным из всех студентов Советского Союза. Так как упомянутый отдел газеты носит обязывающее название — он называется «Эврика», то это обстоятельство вероятно и побудило редакцию, составляя задачу, обратиться к классической древности. При этом сопоставление классики с живой современностью, надо думать, должно быть в пользу последней.

Слов нет, великий мудрец и основатель гидростатики совершил замечательное открытие. Но

нельзя сказать, что он реагировал на содеянное так уж особенно остроумно. Подумаешь! Бежит по улице пожилой бородатый грек, вполне голый, и орет. И что же это за улица — движение почти исключительно пешеходное! Лишь время от времени какая-нибудь античная колесница, поистине «карета прошлого», проедет, громыхая окованными медью толстыми колесами, не соблюдая правил уличного движения и не обращая внимания ни на красный, ни на зеленый цвет уличного светофора — за отсутствием такового.

Или — пронесут рабы античную даму, полулежащую в этаким, довольно примитивном паланкине (или палантине — как эта штука называется?). Что еще на этой классической улице? Ну, там мальчишки хулиганят, франты подпирают собой ионические, дорические, или, например, корифские колонны и хвалятся одержанными или (чаще) неодержанными победами.

В общем, даже особой экстравагантности в бегущем нагом Архимеде нет: климат жаркий, все более или менее голые.

И почему-то думается, что увидя не то что цветной телевизор, а самый задрипанный телефон, или даже безопасную бритву, Архимед охотно признал бы свою отсталость.

А потом вот еще что: как-никак, пусть простенькая, неудобная, но ванна у Архимеда была! И уж наверно не сам он нагревал для нее воду на примусе или разложив во дворе костерчик — это

делали его рабы. Славно иметь рабов! Покорми этих симпатичных людей какою ни на есть похлебкой да кашицей, да дай по литру неважнецкого вина в выходной день — и порядок! Будут вкальвать и еще благодарить милостивого господина. А ты посиживай себе в ванне и размышляй, какой бы еще открыть закон природы. Посидел, попарился — вылазь!

— Эй, Эвника! Где моя туника?

А Эвника тут как тут. И елеем умастит, и облачит в тунику, и кудри расчесет, а нет кудрей — возложит веночек из душистого тимьяна на плешивую главу, и с легким паром поздравит. «Чтой-то, — скажет, — у вас, барин, на левой щечке вроде как бы прыщик сел? Или, борони Зевс, комарик ужалил? Позвольте, я ладикалонцем спрысну». . .

Трудно советскому студенту вообразить себя в архимедовой ситуации! Собственной ванны у него нет, а пользоваться коммунальной, сами понимаете, неудобно. И дорого. Следовательно, открыть закон о том, что «Всякое тело, погруженное в воду. . .» и т. д. советскому пареньку не светит. Ибо, погружая собственное тело в воду, например, общественного плавательного бассейна, не представляется возможным учесть, сколько же это тело вытеснило воды. И, наконец, вторично открывать архимедов закон попросту нет смысла.

Да, велика разница между античным и современным миром. Как-то даже неловко и сравнивать.

Однако, остроумия советскому студенту не занимать-стать. И я нимало не сомневаюсь, что на заданный «Эврикой» вопрос пришло множество остроумнейших ответов.

Архимеду же, в положении сегодняшнего советского студента пришлось бы туго. Положим, могучий разум старика быстро освоился бы с достижениями физико-математических наук. Но социально-экономические?! Ведь скандал!

Не то беда, что науки эти требуют особого склада мышления и основательной эрудиции — это дело наживное. А то беда, что Архимед-то привык думать самостоятельно. Усвоил бы он в два счета бессмертное учение основоположников марксизма-ленинизма, историю партии во всех существующих и долженствующих существовать вариантах. И вообще, все, что полагается.

А дальше?

Выйдя, скажем, читать реферат, Архимед обязательно отмочил бы нечто недопустимое.

— Вот мол, так и так, дорогие коллеги, объективно взвесь все «за» и «против» по данному вопросу, я нашел, что. . .

А ему на это:

— Во-первых, давно известно, что за так называемой объективностью всегда скрывается махровая буржуазная дуалистическая идеалистическая теорийка. Во-вторых, выражение «я нашел» свидетельствует, что докладчик допускает какие-то толкования, помимо раз навсегда установленных

Владимиром Ильичем в его классических трудах «Лучше лучше, чем хуже» и «Где наша не пропадала», том 4711, стр. 606, пятая строка снизу, В-третьих, достаточно во-первых и во-вторых. Уматывай, старикан, восвояси!

В лучшем случае, пристроили бы Архимеда ночным сторожем в подмосковный овощеводческий совхоз. В худшем — обвинили бы его в произраильских настроениях или внутреннем китайстве.

И загремел бы старик по нисходящей...

О МОЛОДОСТИ И О СТАРОСТИ

До двадцатичетырехлетнего возраста мне никогда не хотелось быть молодым. Не говоря уж о многообразных обязанностях, налагаемых на юношу обществом, было просто неприятно, когда любой старый дурак считал себя вправе поучать этого самого юношу тому, чего сам не знал. А какие словечки придумали старшие поколения, чтобы унижать молодое: молокосос, юнец, щенок... «Поживи-ка с мое — узнаешь, почем фунт лиха». «Вы еще слишком молоды, чтобы судить о поступках старших». «Молодо — зелено».

Все эти пошлости говорились в глубоком убеждении, что осведомленность о фунте лиха составляет большое преимущество. И почему это я слишком молод, чтобы судить о поступках старших? С гораздо большим правом я мог в ту пору сказать: «Вы слишком стары, чтоб судить о поступках молодых».

Но пуще стариков были этакие мужчины в соку — хвастуны, самоуверенные нахалы, употреблявшие бриллиантин для прически и усатин для усов, опытные в обращении с женщинами и не

то что презиравшие, а попросту как-то не замечавшие «мальчишек».

Время текло, помаленьку я научился владеть своими непомерно длинными руками и ногами, перестал быть застенчивым, начал отпускать шуточки и мне перевалило за второй десяток. Я встретил девушку, она была прекрасна. Те, которых встречал я и раньше, разумеется, тоже были прекрасны, но так как в ту пору я пребывал в чаду влюбленности «вообще», то возможно, что встреченные раньше девушки были в действительности не так уж особенно прекрасны. Но эта! Ай-ай-ай! Неопишемое, замечательное существо! Ей было семнадцать и она готова была веселиться двадцать четыре часа в сутки.

И вот, представьте, однажды, после того, как мы с ней повеселились не менее тридцати шести часов подряд, она потребовала:

— А теперь мы должны поехать к тетке в Богодухов. Сегодня день рождения Володи, будет большая бимба.

Бимба, то есть вечеринка, в Богодухове, по случаю дня рождения неведомого мне Володи меня никак не прельщала. Мне хотелось тишины, интимного уюта наедине с любимым существом и, кроме того, отчаянно хотелось спать. Я высказал любимому существу эти мысли, и оно, топнув загорелой ножкой, ответило с грустью и негодованием:

— Ах да, конечно! Знаешь, мы люди разные:

ты человек пожилой, а я молодая, мне пожить хочется. Оставайся, я заскочу до Петьки и мы поедем разб́ом.

«Заскочу до Петьки», «разб́ом» — харьковские провинциализмы. В устах этой чудной перекисеводородной девушки они звучали золотыми ар-фами.

— Зачем же до Петьки? — съехидничал я, — там же Володя. . .

— Тю, дурной! — возмутилась любимая, — ревнует до дити! Володе ж три года!

Конечно, я поехал с ней в Богодухов, хотя бы для того, чтобы доказать, как легко я несу свой преклонный возраст — двадцать четыре года.

Но это был единственный случай, когда я пожалел об утраченной молодости. Больше я не жалел и по сей день не жалею. Во-первых, это бесполезно, во-вторых глупо, а в-третьих, все-таки приятно сознавать, что, как говорится, никто пути пройденного от нас не отберет. И хотя давно полагаю правом называть молодых людей молокососами и другими обидными словами, но никогда этим правом не пользуюсь. Они ведь не виноваты, что молоды. Что же касается фунта лиха, то от него не избавлен какой бы то ни было возраст.

Но есть у меня идея, направленная на осуществление длительного мира: передвинуть срок призыва на военную службу с двадцати одного года на восемьдесят один. Выгод множество. Со-

образите сами: молодой новобранец, не умудренный житейским опытом, несет солдатскую службу, подвергает свою жизнь опасности, а сам думает о своем будущем, о любви — мало ли о чем. Новобранец восьмидесяти одного года имеет за плечами много полезных знаний, глубже понимает свой долг, служебные взаимоотношения; он дисциплинирован самой жизнью, а если силами послабее, то ведь я имею в виду повсеместное введение воинской повинности для лиц, доживших до начала девятого десятка. Силы будут равные, к тому же техника шагает гигантскими шагами.

И еще одно обстоятельство: старики несравненно воинственнее молодых, они, можно сказать, рвутся в бой. Да и охота показать себя молодцом, украсить нашивками и знаками отличия, заслужить всеобщее уважение и почет. А вернуться, увенчанным лаврами, как приятно будет сказать: «Поживи-ка с мое!»

Конечно, надо рассуждать реально: в случае войны старики будут действовать чрезвычайно медленно, но разве это худо? Темпы военных действий настолько замедлятся, что воюющим сторонам такая канитель в конце концов надоест и они сядут за стол мирной конференции.

Очень рекомендую свой проект... тем более, что лично мне остается еще десятка полтора лет до призывного возраста по новым правилам.

Однако, человечество сильно изменило возрастные границы. То и дело читаешь о долгожи-

телях и приходишь к заключению, что появилась возможность поощрять «сладостную привычку бытия». Профессор Сичинава ведет в Абхазии исследования, полные захватывающего интереса. В маленькой республике всего 465 тысяч населения и из этого числа 1774 человека уже старше девяноста и 137 — старше ста лет.

Есть один представительный и стройный мужчина 127 лет, у него сын-здоровяк, которому 24. Сопоставив эти цифры, убеждаемся, что жизнедеятельный Кута Центария был ста трех годовиков, когда родился у него сынок Руслан и в непродолжительном времени пролепетал отцу: «Мама». Впрочем, возможно, что я ошибаюсь. Это по-грузински отец называется не папа, а мама, не знаю, так ли по-абхазски. Но сути дела это не меняет.

Из своих исследований д-р Г. Сичинава сделал ряд ценнейших выводов и, между прочим, дал много полезных советов желающим стать на путь долгожительства.

Нужно всегда физически трудиться на свежем воздухе, не жиреть, употреблять растительную пищу, жить в гористых местностях, спать не менее восьми часов, не есть слишком горячего, а пуще — слишком холодного. Словом, вести здоровый образ жизни.

Вино пить можно, но не прошедшее химической обработки и не подслащенное. Пить вино следует умеренно. Курить — можно даже неумеренно:

одна 124-летняя дама курит непрерывно и ничего ей не делается. . .

Некоторые из рекомендаций сформулированы настолько прелестно, что их хочется привести по-подробнее. Например:

— Не раздражайся. Но не позволяй раздражению перегорать внутри тебя. Лучше уж раздражайся.

— Разделяй ложе только со своей женой — ведь ты можешь жениться почаще. У одного нашего старичка — уже тринадцатая жена.

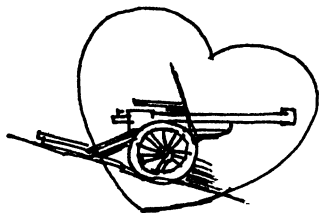
— Предпочитай молодых женщин: они тебя самого делают молодым.

И наконец:

— Оставайся бедным. Если ты богат, то обедней. У богатого слишком много забот и тревог.

Если вы находите эти советы неисполнимыми — ничего не напишешь. Один из них можно, во всяком случае, применить:

— Раздражайся!

КАК ПИСАТЬ ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания надо писать умеючи, в противном случае они не принесут никакой пользы вспоминающему. А если не принесут, то к чему же их и писать?

Предлагаю несколько образцов, отчасти составленных мною самим, отчасти же заимствованных из соответствующих источников.

Воспоминания военные

После того, как я родился в семье моих родителей, получил начальное, среднее и высшее военное образование, я был произведен в первый офицерский чин, а по прошествии времени в следующий и так далее.

Отличаясь доблестью, я храбро сражался и получал многие высокие награды. Но не стану останавливаться на своей собственной карьере — ведь моя задача — дать впечатляющую картину исторического прошлого, а также портреты выдающихся моих современников. Помню, в грандиозной битве под Кокольной Дубравной командую-

щий группой войск ген. от инф. фон-Зибенхюнер спросил меня, не следует ли по моему мнению, произвести маневр, отвлекающий внимание противника, дабы наши войска могли нанести ему фланговый удар.

— Ни в коем случае! — отвечал я. — Ведь противник может и сам произвести маневр, отвлекающий наше внимание, а поскольку нам это в точности неизвестно, то произойдет путаница.

Командующий не принял во внимание мой совет и битва была проиграна, хотя и по совершенно другим причинам. Аналогичный случай был во время знаменитого Малонянинского наступления. Подробности, к сожалению, улетучились из моей памяти, но несомненно одно: если бы моя точка зрения одержала верх, то результаты оказались бы противоположными тем, какие были.

Воспоминания политические

Осень 19** года была чревата многими роковыми обстоятельствами. Никто ничего толком не знал и все осаждали меня вопросами. Скромность не позволяет мне писать сейчас, по прошествии стольких лет, как фатально ошиблись многие выдающиеся политики того времени, в результате чего мы имеем в настоящее время то, что мы имеем.

Со своей стороны могу заявить, что мне никогда не изменял ясный и проницательный взгляд на происходившее. Наступила зима, обстановка

усугублялась, фракционная борьба достигла своего апогея, а может быть, даже и перигея. Именно в тот роковой момент председатель совета министров предпринял некоторые шаги. Увы! Эти шаги были уже запоздалыми. Рано поутру, выйдя из своей спальни, я был окружен бесчисленными репортерами, из которых особенно запомнился высокий, с рыжими усами корреспондент «Манчестер Сон» мистер Даун Таун, впоследствии замешанный в сенсационном деле Любогласа Ружича. Тут же вертелся знаменитый в свое время Феоктист Котуляев, сотрудничавший в «Современных ведомостях», где получал, говорят, по три с полтиной за строчку.

Все наперебой задавали мне вопросы.

— Господа, — сказал я внушительно, — главное, чего требует от нас, политиков, сложившаяся обстановка, это спокойствие, спокойствие и еще раз спокойствие.

Впоследствии эта историческая фраза была приписана, не помню точно, не то Катону Утическому, не то Пуришкевичу. Теперь, на склоне лет, я иногда удивляюсь своей проницательности, позволившей мне, незаметному труженику эпохи, никогда не помышлявшему о громкой славе, вложить и свою лепту в сокровищницу великих событий.

Воспоминания литературные

Мы сидели за столом в Куоккала и кушали знаменитый суп из сена, изобретенный супругой

Илья Ефимовича, яростной поборницей безубойного питания. Наискосок от меня сидел Максим Горький и сосредоточенно глядел в потолок. По правую руку моим соседом был Корней Иванович Чуковский, по левую Владимир Владимирович Маяковский, немного поодаль Дмитрий Сергеевич Мережковский, а рядом с ним доктор Станислав Юлианович Заиончковский, фотограф-любитель и неистощимый рассказчик.

Ивана Сергеевича Тургенева в ту пору уже не было в живых, а великий старец-мудрец проживал в своей Ясной Поляне и не мог присутствовать среди нас, но моя книга «Раздумья Вечерние» уже произвела на него неизгладимое впечатление. Я до сегодня храню, как святыню, записку Льва Николаевича, полученную мною по почте. «Очень сожалею, — писал великий автор, — что не могу Вас принять у себя в четверг».

— Как вы думаете, — обратился ко мне сидевший тут же за столом известный судебный деятель А. Ф. Кони, — а ведь пожалуй, на обратном пути нас может застать дождик?

— Едва ли, — ответил я.

Был я в ту пору еще молод и полон сил. Как раз тогда я писал свою вторую книгу «Зачем?» (две остальные книги трилогии носили, как известно, названия «На что?» и «Почему?») и Репин все собирался написать меня, сидящим за работой. А Горький, пребывавший в зените и даже, возможно, в надире своей популярности, все бывало говари-

вал своим характерным баском, по волжски упирая на о:

— Чепуху вы, батенька, пишете!

На своем продолжительном литературном пути я не раз замечал, что окружающие меня корифеи тогдашнего Парнаса, а может быть и Олимпа, относятся ко мне с ревнивой завистью. Иных, как говорится, теперь уж нет, а те далече. Судьбе было угодно сохранить меня не только для современников, но и для потомков. . .

Воспоминания театральные

Я был совсем еще юным служителем Мельпомены. Великий Орленев, бывало, говаривал своим характерным баритоном, упирая по рязански на а:

— Ты бы голубчик, отошел в сторону, а то вертишься тут, как. . .

В голосе проникновенного актера слышалось плохо скрываемое расположение. Никогда не забуду, как Мамонт Дальский, похлопав по карманам, не обнаружил в них спичек и знаком попросил у меня огоньку. Увы, я был в те незабвенные годы некурящим!

Мой дебют в «Талантах и поклонниках» прошел потрясающе. Вера Федоровна Комиссаржевская, встретив меня за кулисами, только покачала головой, но я-то знал, что скрывается за этим, нарочито скупым, жестом восхищения.

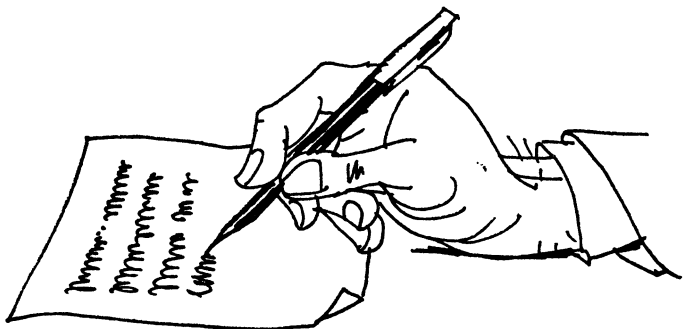
В Елабуге мне довелось играть с Собольщиковым-Самариным. Что это была за буря оваций!

Но не скрою, что перевес был все-таки на моей стороне: Соболецкова-Самарина публика ни за что не отпускала со сцены, а меня сразу отпустила!

Оглядываясь на минувшее, вижу многие дорогие лица. Как-то в ресторане «Малый Ярославец» моими соседями по столику были Станиславский и Немирович. То ли по забывчивости, то ли по рассеянности, официант перепутал блюда и принес отцам Художественного Театра паровую стерлядь, а мне — уху с растегаями. Метрдотель глазами указал официанту на его ошибку и тот с извинениями водворил блюда на надлежащие места.

И в тот момент Константин Сергеевич улыбнулся мне. Я усмехнулся ему. Я хорошо видел, я знал, что ему страшно хочется пригласить меня в Художественный на роли неврастеников! Но я не подал виду и занялся своей стерлядкой. Покончив с едой, я бережно завернул в салфетку рыбий хребет и сохранил его в своей коллекции театральных сувениров. К сожалению, в своей скитальческой жизни великого русского актера я утратил эту реликвию.

Да, были люди в наше время, — хочется мне сказать подрастающему поколению.

ПИРАМИДА

Как-то я вычитал в газете, что в одной терпеливой советской республике есть двести пятьдесят тысяч пропагандистов.

Шуточки! Двести пятьдесят тысяч.

И мне почему-то представились выразительные диаграммы, изредка печатающиеся в популярных журналах, стремящихся дать читателям полезное, но занимательное чтение. Например, нарисовано стадо рогатого скота, стадо поменьше — свиньи, еще меньше — овцы. Вверху красуется цифра. Все в целом означает: «Сколько мяса съедает человек за свою жизнь».

Таким ж образом изображены горы хлеба, сахара, овощей и прочего продовольствия. Все это человек неукоснительно съедает, по крайней мере, в теории. Средний человек, неизвестно в каком государстве живущий. Совершенно обходится молчанием вопрос о человеке, живущем в стране, строящей самое совершенное в мире общество. Однако, я, кажется, отвлекся в клеветнические измышления.

Словом, мне хотелось увидеть изображение двухсот пятидесяти тысяч пропагандистов, как их нарисовали бы в диаграмме. Что, если этих добрых людей поставить друг на дружку? Картина получилась бы очень впечатляющая. В то время, как нижний, на чьих могучих плечах уместилась вся пирамида, прочно упирается в родную землю ногами, а руками держит «Блокнот пропагандиста», верхний, пребывая где-то в ионосфере, а то и повыше, может выполнять различные научно-технические функции, скажем, регулировать, на подобие постового милиционера, движение спутников.

Поставленные вплотную друг к дружке, строим, товарищи пропагандисты займут пространство между двумя, довольно отдаленными один от другого населенными пунктами. Если же этих товарищей не поставить, а уложить, то они образуют весьма длинную линию, равную, допустим, расстоянию между столицей республики и каким-либо пограничным постом.

Практически, конечно, такая диаграмма не осуществима, как и первая, хотя и по разным причинам. Никто не в состоянии выдержать на своих плечах и десятка человек, не говоря уже о двухстах сорока девяти тысячах девятистах девяти товарищах! Лежать же может всякий, но где гарантия, что, оказавшись в непосредственной близости с границей (хотя бы даже более или менее социалистического государства), десяток-дру-

гой пропагандистов не позабудут о доверенном им партией поручении и не махнут на ту сторону?

Диаграммы — диаграммами, но нельзя забывать о реальной пользе. Двести пятьдесят тысяч пропагандистов — это большая сила. И следовало бы подумать о ее применении. Безответственные люди утверждают, что пользу из пропагандистов извлечь невозможно, что их болтовня только отвлекает от труда и даже от отдыха. Толкуют, наконец, что будто бы содержание такой армии докладчиков, беседчиков и руководителей политических занятий ложится тяжелым бременем на государственный бюджет.

Все это чепуха. Польза от пропагандистов безусловно мыслима и возможна. Вы только представьте себе, что все двести пятьдесят тысяч соберутся вместе и — издадут одновременно какой-нибудь звук — я имею в виду звуки, производимые с помощью голосовых связок.

Допустим, это будет звук А. Или — У. Или другой. Это уж дело акустиков — установить, какой именно звук наиболее результативен.

Так ведь сила этого звука, изданного сразу двумястами пятьюдесятью тысячами — вполне достаточна, чтобы произвести мощное колебание атмосферы. Если в тот момент на данном участке неба находится даже небольшая тучка — она прольется благодатным дождем. Разумеется, нужно выбирать время, когда дождевание желательно. И место: какие-нибудь посевы, нуждающиеся

во влаге. Прodelывать подобный опыт на пляже или во время прохождения праздничных колонн, на площади — бессмысленно.

Обратимся к финансам.

Сто копеек, как известно, составляют один рубль. А двести пятьдесят тысяч копеек равны солидной сумме в две тысячи пятьсот целковых. Что, если каждый из 250.000 пропагандистов даст по одной только копейке на некое доброе дело, вроде достройки школы, покупки учебников или ремонта парт?

А ежели 250.000 пропагандистов скинутся не по копейке, а по рублю — так ведь это четверть миллиона! Великое подспорье в любом хорошем деле, требующем расходов.

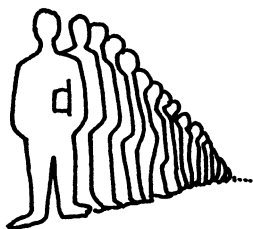
Причем, каждый пропагандист, если он не штатный, а выполняет свои обязанности в порядке общественно-партийной нагрузки, охотно предпочтет дать рублевик, вместо того чтобы разглагольствовать перед усталыми людьми, думающими каждый о своем. Да и некоторые из штатных тоже скажут: эх, пропадай мой рубль — зато не надо мне талдычить об Ильиче в Шушенском, как он там мучился, пописывая свои труды да развлекаясь охотой!

Все ж таки и у штатного пропагандиста в голове может оказаться здравый смысл.

Наконец, можно приспособить 250.000 пропагандистов к общественно-полезному делу: пусть заготавливают грибы или там варезки вяжут из вто-

ричного шерстесырья. Да мало ли есть областей полезного применения этакой силищи...

Как подумаешь об этом, то сразу смешной покажется изображаемая диаграмма с пропагандистами, стоящими друг у дружки на плечах.

ДУША, ТЕЛО И ПАСПОРТ

Физическое существование Владимира Леонтьевича Ивашкина есть факт. Жители Усолья Сибирского могут, по соседству, это подтвердить, поскольку в социалистической действительности и неоспоримые факты могут нуждаться в подтверждении свидетелями. Но что такое физическое существование пред существованием административным? А именно с последним у Владимира Леонтьевича неблагополучно: еще в 1954 году у него украли паспорт.

Советский человек без паспорта не более чем миф, в лучшем случае игра природы. Прописка паспорта, некогда в царское время, пустая формальность и самая серая проза, ныне наполнилась необыкновенно ярким смыслом.

«Свежие овощи получили постоянную прописку в Норильске».

Какой смелый взлет творческой мысли обусловил это и тысячи подобных образных выражений!

Гражданин Ивашкин, в отличие от свежих овощей в Норильске, не имел постоянной прописки в

Усолье Сибирском, потому что вместо паспорта у него — жалкое временное свидетельство, которое надлежит регулярно возобновлять. И конечно,

Владимир Леонтьевич, набравшись храбрости, топает в милицию.

— Так и так, в пятьдесят четвертом не проявил бдительности, какая-то зараза сперла паспорт

и деньги. На деньги, так и быть, наплевать, но как же мне жить без паспорта?

— Во-первых, — отвечают в милиции, — вы, гражданин, не выражайте таких неприличных слов, как «зараза», «сперла» и «наплевать». Мы в какое время живем? Мы в культурное время живем. Это если всякий хлюст начнет выражаться, так создастся нежелательная атмосфера жизни, и так и далее.

— Ну, я уж там не знаю, — говорит Ивашкин, — и очень, конечно, извиняюсь, а только разве ж не зараза, когда он меня так подвел под монастырь?!

— Насчет монастырей, то в нашем районе, слава Богу, никаких монастырей не существует и они нам не касаемы, но вам же продлевают временный вид? Продлевают.

— Оно да, продлевают, и я очень благодарен, но сделайте снисхождение: скоро пятнадцать лет, как я без паспорта, разве ж я человек?

— Это как посмотреть с точки зрения. А вы, вместо выражений, так бы и сказали давно, что хотите получить новый паспорт.

— Так я ж и говорю!

— Что вы говорите?

— Да говорю: новый паспорт мне выдайте, вместо того, что та зара... что та инфекция спе... спохитила.

— Ну вот, видите, можно же говорить культурно. Инфекция — это вы хорошо придумали: и

прилично, и на заразу похоже. Обратное же: «спохитила» — правильное слово, культурненькое. Давайте, сейчас я прибью на вашем виде штамп — и живите себе на здоровье. Что ж поделывать, мы не отказываем. Живите. В столицу вам, конечно, не светит, а в Усолье Сибирском живите по временному виду.

— Так паспорт-то выдадите?

— А?

— Паспорт...

— Какой еще паспорт?

— Обыкновенно какой. Постоянный.

— Ах, постоянный! Настоящего паспорта мы вам, гражданин, не выдадим, понятно? Это если бы вы метрику представили — другая предпосылка, сами понимаете. Мы вам по хорошему говорим. Знаем вас, как облупленного.

— Так я ж... Так товарищи же ж... Я же ж как в стеклянном стакане живу, ни в чем таком не замеченный.

— Были бы замеченный — сами понимаете, не тот был бы у нас с вами разговор! Однако, про вас одного нет такого закона, чтоб без метрики выдавать паспорт. Ибо метрика подтверждает, что вы родились.

— Да честное слово, родился!

— Вы говорите: «родился». А подтверждение где?

— Уф-ф-ф! Во временном-то виде данные указаны: год рождения и все такое.

— Слушайте, гражданин Ивашкин. Вы не думайте, что милиция занимается бюрократическими придирками. У нас ленинский стиль: что по закону — делаем, что не по закону — не делаем. Ясно? Во временном виде, верно, год рождения, место рождения и прочее. Но сам факт рождения там подтвержден? А? Грамотный человек, можете прочесть: нет такого подтверждения. А раз нет, то как мы можем вам поверить, что вы родились? Может, вы вовсе и не рождались.

— Что ж я, от сырости завелся?

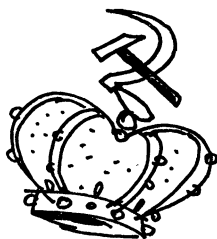
— Хе-хе, «от сырости». Тоже остряк-самоучка. Достаньте метрику — будет вам паспорт.

.

А как ее достанешь, если она, эта метрика, была выдана в Смоленской области и во время войны тамошний загс не то сгорел, не то разбомблен?

В общем и целом, Ивашкин Ве Эл недавно получил временный вид на жительство в двадцать пятый раз. Все таки довольно мягкая власть: терпит человека, который, возможно, живет, не родившись.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

Дорога ложка к обеду, но при этом она должна быть именно ложкой, а не ножницами или, например, гребешком. Этим я хочу подчеркнуть великое значение принципа целесообразности, и не столько принципа, сколько его соблюдения.

Понятно? Теперь будем так говорить. В военном ведомстве есть звание маршала, генерала, адмирала, полковника и прочие. В судебском — имеются советники разных рангов. Но самое главное, партийное руководство, остается до сей поры без выразительно звучащих званий.

Секретарь. . . Что это за чин, я вас спрашиваю.

Даже генеральный секретарь, невообразимо высокий пост, а наименование чепуховское.

Со словом секретарь связано представление о чем-то чернильном, о канцелярской крысе, о щелкопере. Секретарь как таковой мыслим не сам по себе, а только после председателя.

Существуют министры. Министр — это солидно, уважительно, сановно И вот что получается: есть министр какой-нибудь мельчайшей промышленности по производству пепельниц, а наряду с ним — секретарь Центрального Комитета партии. Министр властен над пепельницами, на зажималки его власть уже не распространяется, тогда как секретарь ЦК громам повелевает. И все-таки он — только секретарь. Несправедливо, бессмысленно, серо.

Нет, предоставим мелкой сошке называться секретарями. Довольно! Для еще большего престижа власти партии глава ее верховный да именуется императором. А которые на одну ступеньку пониже, тем приличествует наименование царь, король. Нынешний первый секретарь обкома будет — герцог. Затем, соответственно иерархическому положению, следуют: граф, князь, барон. Нынешний секретарь первичной парторганизации может называться баронетом. «Баронет комбината бытового обслуживания Дудочко В. Ф. в своем содержательном докладе яркими мазками обрисовал достижения в области обеспечения мочально-люфowymi изделиями, но отметил также отдельные

недостатки». Разве это плохо звучит? Звучит здорово!

Для комсомольских работников применяется тот же набор званий, но с прибавлением частицы «чик»: императорчик, графчик и так далее.

В национальных республиках могут быть пущены в дело аналогичные звания: падишах, султан, калиф, мирза, ага, бей, хан.. .

Возражения вроде того, что мол негоже пользоваться феодальными наименованиями, всерьез принимать нельзя. На дело нужно смотреть диалектически. Мы берем из прошлого культурно-историческое наследие, берем то, что считаем полезным для строительства окончательного коммунизма. То, что отражает величие эпохи.

Само собой разумеется, что к императору ЦК нужно обращаться: «ваше величество», точнее «ваше императорское величество». Далее следуют «царское величество», «королевское», «ваше высочество», «ваша светлость» и прочее.

Кроме чисто партийных постов, существуют еще и другие, на коих сидят начальники, посаженные той же мудрой властью. Как же их титуловать? А без титулования обойтись никак невозможно, потому что — люди, облеченные высоким доверием, не какая-нибудь беспартийщина. Следовательно, приходится напрочь усилия и выработать ряд обращений-титулований.

Скажем, к директору средней школы, если он коммунист, надлежит обращаться «ваше образо-

вание». К лицу, возглавляющему вуз: «ваше высшее образование», к инженеру-партийцу, в зависимости от профиля: «ваше жилстроительство», «ваше машиностроительство», к снабженцу: «ваша доставательность», к партийному атлету: «ваше телосложение», к партийному писателю: «ваше высокодарование», к критику: «ваша бдительность», ибо, хотя критик и занимается литературой, но в его положении требуется не талант, а именно бдительность. Обращаться к чекисту следует со словами: «ваше человеколюбие», поскольку работники органов госбезопасности занимаются самоотверженной защитой трудового человечества от посягательств злодеев. В изложенной выше системе обращений, как в капле грязной воды, отразились добрые черты невиданного и неслыханного общества и государства, ведомого партией по пути, указанному великим Лениным.

Рядовые труженики титулованию не подлежат, поскольку они не состоят в партии. Если же, паче чаяния, состоят, то к ним применимо слово «господин», вполне отвечающее их господствующему (ведущему) положению в обществе. Беспартийный обязан откликаться на доброжелательное: «Эй ты, как тебя!», либо, в отдельных случаях: «Человек!» (напр., «Человек, кружку пива!»).

Желательным было бы ввести единообразную форму одежды для лиц различных рангов, но это осложнит задачи легкой промышленности, и без того напряженно работающей на удовлетворение

все возрастающего потребительского спроса. Впредь до наступления сотой годовщины Октября, можно ограничиться обязательным ношением эмблем на груди и на головном уборе. Для партийных композиторов, например, изображение лиры, для партийных писателей — самопишущей ручки отечественного производства, для директоров — телефона. Причем степень важности занимаемого поста выражается в количестве эмблем.

Если император ЦК носит изображение одной, большой императорской короны, а, допустим, второй заместитель директора зоосада — эмблему «три маленьких медведя», то грудь и голову начальника культурно-воспитательной части места заключения отметит изящный и выразительный знак: две «параши» и над ними — заходящее солнце.

Надеюсь, что партия оценит мое предложение и примет его как задушевный подарок.

КОНТИНУУМ

Откровенно говоря, мне жаль покойного Эйнштейна.

Нашелся удалец, который поставил эйнштейновы достижения под вопрос.

Допустим, он прав, а Эйнштейн кое в чем ошибался. Или, возможно, коренным образом ошибся. Мне-то все равно проверка недоступна, ибо я профан. Однако, нет никакой гарантии, что спустя энное число лет, не явится третий гигант мысли и не заявит, что двое предыдущих наломали, как говорится, дров в вопросах мироустройства. И что единственная истина есть то, что он, третий гигант, утверждает.

Что делать профану, если его эрудиция в вопросах новейшей физики ограничивается жалкими анекдотиками, вроде того, что некий знаменитый скрипач, с коим покойный Эйнштейн любил музицировать (но при этом постоянно сбивался с такта), будто бы часто говаривал:

— Слушайте, Эйнштейн, вы же как-никак тоже математик, так почему вы не умеете считать до четырех: и раз — и два — и три — и четыре? . .

Тем не менее, я горой стою за теорию относительности и готов привести свои, профанские и пусть даже примитивные, но неоспоримые доказательства.

Мне нет надобности пускаться в космические дали и оперировать световыми годами. Но о свойствах пространства и времени судить я все-таки могу. Как вы полагаете?

Итак, представьте себе обыкновенную комнату. Отсчитаем пятьдесят с лишним лет назад от нашего нынешнего «сегодня». В ту пору комнату, которую вы себе представили, снимал у квартирной хозяйки студент.

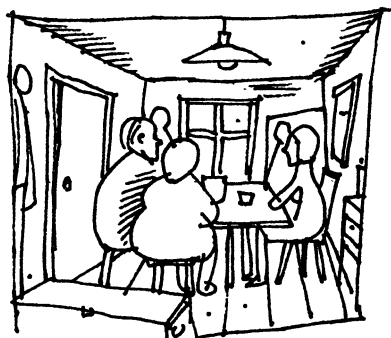
Кроме самого студента, в комнате умещался письменный стол, кушетка, над кушеткой несколько вытертый ковер с изображением красавицы в мантильи и кавалера, взбирающегося по веревочной лестнице. Еще: платяной шкаф и этажерка, на которой учебники и стенографированные лекции соседствовали с полными собраниями сочинений различных писателей, даваемыми в качестве приложений к журналу «Нива», издание А. Ф. Маркса, СПб, Измайловский просп. № 29. Четыре стула. На стене висел портрет Менделеева.

Обитавший в комнате студент не раз жаловался на тесноту, но был вынужден мириться с ней, в силу крайне ограниченного своего бюджета.

Отсчитаем пятьдесят с лишним лет вперед и очутимся в нашем «сегодня».

Что же мы видим?

Мы видим (бывает и такое) того же самого студента, который уже давно перестал быть студентом, прошел долгий жизненный путь, многого добился, еще больше потерял и стал пенсионером. Мы видим также, тот же самый письменный стол, с необыкновенно острыми краями среднего вы-

движного ящика, натирающими, при систематическом труде, долговечные мозоли на коленках пишущего. . . Видим шкаф, этажерку с теми же книгами плюс несколько импровизированных полок, на которых покоятся книги более позднего происхождения, пять (а не четыре) стульев, телевизор, портрет Менделеева, портрет Ленина, ре-

продукцию соцреалистической картины «Снова двойка!», диван, две кровати и детскую коляску.

Помимо студента, превратившегося в пенсионера, в комнате обитает его почтенная старушка-супруга (сорок пять лет душа в душу!), младший сын с женой и четырехлетняя внучка Реночка. Три последних персонажа ожидают обещанной им уютной квартирki в запроектированном «городе-спутнике», уже имеющем название «Новая Бирюсинка», но пока не начатом постройкой.

Подведем легкий итог: пятеро в той самой комнате, где более чем полвека назад жил один.

Что-то произошло с пространством. С одной стороны, если сделать замер, то площадь комнаты окажется неизменной. С другой стороны, оставаясь неизменной, жилплощадь, некогда бывшая тесной для одного, вмещает пятерых!

Оставаясь на незыблемой почве материалистического мировоззрения, мы не можем не прийти к выводу, что или комнатное пространство обрело растяжимость, или населяющие его люди уменьшились. Но нет, рост у всех нормальный. Остается допустить, что пространство простерлось в некое четвертое измерение. Вот что! Ну, конечно! Пятьдесят-то с лишним лет прошло? Прошло. В эти-то пятьдесят с лишним лет и простерлась комната. Время — вот ключ к разгадке феномена.

И какое время! Время борьбы, время побед, время достижений. Время неустанных забот партии о трудовом народе. Фактор времени повлиял

на пространство. И тесная комнатка одинокого студента сделалась тем пространственно-временным континуумом, в котором свободно разместилась целая семья со всей своей бытовой оснасткой.

Вполне возможно, что Эйнштейн и допустил некоторые просчеты. Не лишено вероятия, что и оспаривающие достижения этого гения тоже ошибаются: ведь они все-таки люди, отдельные личности. Они могут ошибаться.

Но Партия, вооруженная животворной теорией Маркса и Ленина, не ошибается и делает то, что с порочной идеалистически-поповской точки зрения кажется так называемыми чудесами. Партия не объясняет мироздание — она изменяет его. Пятьдесят с лишним лет — и с каким лишним! С совершенно излишним!

ЗАГАДОЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Загадочность стала моим свойством с той поры, когда я принялся писать в эмигрантских газетах и журналах. Зарубежная печать свободна, об этом не может быть двух мнений. Раз печать свободна, то, сотрудничая в ней, можно (и в нравственном смысле обязательно) писать то, что думаешь. Я так и поступаю. Но что же из этого получается?

Приведу вкратце некоторые отзывы, как из числа полученных мною в виде писем, так и устные, услышанные мною лично или же из уст людей, известных мне как люди правдивые.

О т з ы в ы п и с ь м е н н ы е

Многоуважаемый господин Кожуркин!

С огромным удовольствием мы с женой прочли Ваш отзыв в газете «Наша судьба» о рассказе Алевтины Нимфодоровой под названием «Радостная встреча». Нет слов для выражения тех искренних чувств, которые пробудили в нас с женой Ваши мудрые слова: «Земский врач был зачастую настоящим подвижником». Как это верно! Как

точно знаете, как тонко понимаете Вы нашу прежнюю, ушедшую матушку-Россию и тех скромных тружеников, которые упорно делали незаметное, но великое дело! Примите нашу искреннюю благодарность.

Д-р А. З. и А. М. Копоровы»

*

Господин Кожуркин!

Обращаюсь к Вам со словом «господин», хотя, конечно, Вам было бы гораздо приятней обращение «Товарищ Кожуркин». Это видно из того, что Вы накропали по поводу графоманского рукоделия бездарной Алевтины Нимфодоровой (ну уж и псевдонимчик выбрала себе сожительница большевицкого доктора Копорова!). Кто же толкнул нашу Русь в пропасть, как не все эти либералишки, которые не столько лечили и учили мужиков, сколько подстрекали их к бунту против законных властей, к бунту бессмысленному и беспощадному, как выразился еще В. Н. Гоголь в своем бессмертном романе «Проселочные дороги»!

Стыдно, товарищ Кожуркин! Впрочем чувство стыда Вам, конечно, незнакомо, да, к тому же, Вы пишете то, что велят Ваши хозяева... там... в Москве.

Не-подвижник Дм. Лобзаев»

*

Милостивый господин Кожуркин!

От имени сограждан и собойцов Всеобщего Фронта Раскрепощения Угнетенного Народа Ве-

ликой Половечии выражаю Вам порицание за допущенные в рецензии на рассказ А. Нимфодоровой «Радостная встреча» выпады против нашей нации. Вы пишете: «Хорошо в рассказе то место, где простыми и выразительными словами изображается степное село, возникшее в древние годы и не раз подвергавшееся набегам диких половцев». Пора бы знать, что половецкий народ имел величайшую культуру уже тогда, когда предки некоторых продажных щелкоперов ходили на четвереньках. Но недалек тот день, когда под эгидой ВФРУНВП возродится наша родная Половечия и сбросит иго современных триглоглотов (зачеркнуто) полиглотов (зачеркнуто) троглодитов!

Сарынь на кичку!

Нач. ЦВШ ВФРУНВП
(подпись неразборчива)

*

Г-н Кожуркин И.!

По имеющимся сведениям, Вы родились, выросли и получили образование не за рубежом, а на Родине. Тем не менее, Вы подвизаетесь в клеветнических листках, где шипя и извиваясь, брызжете ядом на свой народ и избранное им Руководство. Не так давно, восхваляя рассказ Нимфодоровой А., Вы назвали земского врача царского времени «подвижником». Отчасти это верно, ибо в дореволюционную эпоху деятельность такого врача была чрезвычайно трудной. Но почему Вы

умолчали о том невиданном расцвете народного здравоохранения, который произошел за славные годы после Великой Октябрьской Социалистической Революции? Вы намеренно умолчали! Вы закрываете глаза на величественную эпоху и предпочитаете барахтаться в зловонной тине прошлого. Очнитесь! Проснитесь, пока еще не поздно! Славься, Отечество наше свободное!

Серпомолотов А. Б.

О т з ы в ы у с т н ы е

— На редкость отсталый тип этот Кожуркин! Вы только подумайте: расхвалил какую-то старушенцию за совершенный примитив. Знаете, как это у них: «Косые лучи заходящего солнца бросали длинные тени» и прочее. Да ведь так писали сто лет назад! Ведь это Засодимский! Клавдия Лукашевич! А послал я в ту же газетенку свой опус, явно гениальный, называется «Пну», так что ж вы думаете? Ответили в почтовом ящике: «Ваш рассказ «Пень», к сожалению, не подошел. Можете получить рукопись обратно, прислав почтовую марку». А? Каково? И главное: «Пень»! Поистине пень составлял этот ответ! И ведь какой блеск у меня, вот послушайте! «Пну валял. Валидол бубнявил логом. Легонькие потеряшки невпроворот лучавились понад огуречью, И Пну, о, Пну отчужденный!»

Постойте, куда же вы?

*

— Знаешь, Петя, я тебе так скажу: кончилась литература! Была, да вся вышла. Толстой, Достоевский, Крыжановская-Рочестер... А теперь что? Ну, пускай уж в Совдепии, черт с ними, всякие там доярки пишут ерунду. Но здесь! И кто! Алевтина Макаровна, наша общая знакомая, почтенная дама! Пишет: «На колокольне пробило одиннадцать». А ведь институтка, интеллигентный человек... Как это «пробило»? Что — пробило? Пробить может кто-то, то-есть человек. Он пробил, она пробила. Но уж никак не — оно пробило! Дальше. «На колокольне». Позвольте спросить: что же это за такая колокольня? Колокольня бывает при церкви, не так ли? Так ты и пиши, что мол, на церковной колокольне колокольник... ну, как это? Поло... поноломарь пробил... Хотя, что это за футуристическое слово «пробил»? Не пробил, а прозвонял, пардон, прозвонил одиннадцать часов! Одиннадцать часов — чего? Утра, дня, вечера, ночи? Литература требует точности в выражениях! И потом: с каких это пор одиннадцать пишется через два эн?

Нет, не ожидал я этого от Алевтины Макаровны! Футуристка какая-то, сюрреалистка, экзистенциалистка. Терпеть не могу всех этих вывертов и коверканья языка!

И вот, этакую-то чушь какой-то болван с идиотской фамилией Кожуркин превознес выше облака ходячего!

.

Следует заметить, что моя оценка рассказа «Радостная встреча» целиком уместилась в тридцати строках мелким шрифтом. Никаких талантов я в этой заметке не проявил, равно, как не проявил и бесталанности. Никого не обругал, политики отнюдь не касался, завиральных теорий не провозглашал, а вот поди ж ты! Из шести отзывов вытекает, что я: 1. мудрый, правдивый и тонко понимающий разные вещи критик, 2. «товарищ», пишущий по указке из Москвы, 3. империалист, колониалист и враг Половееции, 4. клеветник, барахтающийся в зловонной тине, 5. отсталый тип, не понимающий свежей новизны в литературе, и 6. болван, отстаивающий выверты и коверканье языка. И все эти многообразные качества я в себе совмещаю.

Нет сомнения в том, что я — совершенно загадочная личность.

СПЕЦСВЯЗИ С СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ

С некоторых пор периодика особого назначения — по связям с зарубежными соотечественниками — довольно резко изображает якобы происходящее в редакциях эмигрантских газет. Назначение таких фельетонцев — бичевать и уязвлять, но так как авторы действуют больше по наитию, то получается сущая чепуха.

Вроде того, что у роскошного письменного стола редактора эмигрантского издания сходятся и толкуют наиболее вредоносные сотрудники — яростные клеветники на отечество наше свободное. Редактор, этакая матерая акула капитализма, попыхивая дорогой сигарой, укоряет своих молодчиков в недостатке рвения, дескать, даром хватаете умопомрачительные гонорары. . .

В действительности же эмигрантский редакторский стол обычно отличается не столько роскошью, сколько колченогостью; редактор в акулы явно не годится и никого не распекает, ибо всецело поглощен мыслью, чем оплатить счет за бумагу. Что же касается дорогой сигары, то он бросил курить еще в первую мировую войну. Описываемые фельетонистом сотрудники-молодчики, называе-

мые поименно, тоже не в порядке. Один проживает весьма далеко от редакции, в Новой Зеландии, и отродясь редактора в глаза не видал, другой, с фамилией, оканчивающейся на согласную букву, тем не менее, не мужчина, а наоборот, женщина, и хотя пребывает в редакции, однако ничего не пишет, ибо служит приходящей уборщицей. А третий действительно немало писал, но скончался за четыре года до описываемого момента.

На чудовищные гонорары эмигрантского издания затруднительно прокормить не то что, скажем, кошку, но даже средних размеров таракана.

Мне пришла идея соорудить аналогичное описание повседневности в редакции газеты особого назначения. Так сказать, в порядке обмена любезностями. Почему им можно, а мне — нельзя?

«У письменного стола главного редактора газеты «Милости прошу к нашему шалашу» (сокращенно МПКШ), стола с инвентарным номерком «МГБ—4711» собрались на совещание-летучку «асы» ведомственной журналистики.

— Так вот, орлы, — молвил главред, ковыряя в зубах самопишущей ручкой отечественного производства, — недоволен я вами, ядрена качалка! Исписались вконец! Материал подавать разучились. Про ихнее прилунение как написали? Плохо написали, некачественно написали. Читать было противно.

— Это же ТАСС написал! — отозвался передовик Елдырин,, выдвигенец из вахтеров управ-

ления безопасности. — Нешто мы што, товарищ полковник? Мы ничаво.

— ТАСС, ТАСС! — передразнил редактор. — Свою голову надо иметь, брат Елдырин. ТАСС, он для кого пишет? Он, в основном и главнеюшем, для нормальных граждан пишет, тогда как мы — для зарубежных сво... своотечественников. Понятно? Обратно, за поездки. Ихний глава в народную демократию ездил, принимали его там с распростертыми. Такой материалчик надо поднести под углом зрения, а у нас что? Пять строчек — и тпру...

— Я извиняюсь, — вставил завинформотдела Быркулезов, кислоглазый человек неопределенного возраста. — Этот материалчик наша пресса не муссирует по известным соображениям. Незачем читателю знать насчет распростертых.

— Голова с ушами! — вскипел главред. — Думаешь, мне соображения не известны? А? Мельчающим петитом дать самый факт — это да! А наряду с этим — вложить, понимаешь, смысловую зарядку с надлежащими указаниями, как и что. Статейку долбануть... Учти, что наши задрипанные читатели буржуазную прессу имеют перед глазами, а уж там, голова, распишут так, — что с добрым утром!

— Не читают они буржуазной, где им! По сорок лет за границей, дьяволы, живут, пузá понаедали, а все по иностранному никс понимамай... Дундуки!

— Ну, вот что, ребята. Очередной номер делать с душой, а не то что тят да ляп. Да, вот еще: пребывание товарища нашего председателя за границей тоже у нас подано было без всякого аппетита. Положим, что ТАСС и известные соображения, это само собой. Но спрашивается, зачем было рядом заверстывать дурацкую басню под названием «Репейник и Чертополох»? Я тебя спрашиваю, Лупаев! Зачем?

Лупаев, заведующий литературным уголком и по совместительству баснописец, долговязый парень с веснуцатым носом, вздрогнул.

— Я, товарищ полковник, честное слово, не виноват. Это метранпаж поставил. Действительно, нехорошо вышло.

— Нехорошо? Позорно! Провокационно, а не нехорошо! Получается, значит, вроде бы, наш высокий представитель и тамошний типчик — все равно, что репейник и чертополох? Так это надо понимать, Лупаев? Как это у тебя там сказано? А ну, напомни.

Баснописец дрожащим голосом прочел:

К Репейнику пришел Чертополох

И говорит:

«К чему вражда и злоба?

И ты, и я — мы оба

Глушим горох. . .»

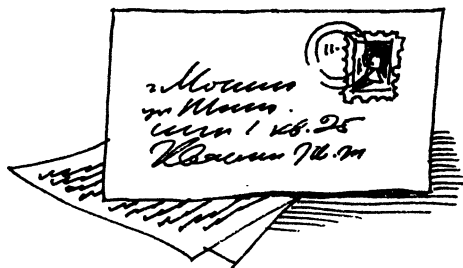
— Во-во! Смотри у меня. . . Тоже еще дедушка Крылов выискался! Возьмешь десять нарядов вне очереди.

— Есть десять нарядов вне очереди. Только я же, товарищ полковник, не виноват. . .

— Еще бы ты был виноват! Тогда. . . сам небось понимаешь, что было бы. Давайте наметки к номеру, пошевеливайтесь!»

Перечтя написанное, я остался недоволен. Конечно, в изображении редакционной летучки МКПШ дан некоторый простор фантазии. Персонажи взяты произвольно. Редактор выражается в манере старшины сверхсрочной службы; «брат Елдырин» откровенно заимствован из чеховского рассказа. Маловероятно, что басня про репейник и чертополох была поставлена на полосу рядом с ТАССовским сообщением. И возможно, столы в редакции МКПШ не украшены инвентарными номерками КГБ.

Но остальное — бескрылое бытописание. Нет, понимаете, настоящего полета. . .

УДАР ПО ЛЫСИНЕ

Среди многочисленных проблем, тревожащих человечество, есть одна особенно жгучая: проблема лысины. Трудно понять, почему она (лысина) так смущает ее носителей. Издавна известно эстетическое правило: «Вид голого тела, покрытого волосами, внушает отвращение». Но ведь лысина не покрыта волосами. Она почтенна. Она свидетельствует некоторым образом о накопленной под черепною крышкой мудрости, о житейском опыте. . .

И все-таки от нее стараются избавиться.

Пророку Елисею ребяташки издевательски кричали: «Гряди, плешиве!»

Это настолько возмутило святого человека, что он вознес молитву ко Всевышнему, и молитва была услышана: вышла из лесу медведица и расправилась с насмешниками. Уж если святой пророк принял так близко к сердцу нанесенную ему несмышленьшими обиду, то нам, рядовикам, и по-

давно простительно считать плешивость чем-то вроде несчастья.

Но почему? Непонятно.

Ревнителю чистоты русского языка делают разницу между лысиной и плешью. В чем различие, уж не помню, кажется, лысина начинается на макушке, а плешь — на других участках головы. Какое это имеет значение? Однако, если углубиться в сущность вопроса, то можно установить, что лысину презирают вовсе не за то, что она — признак старости. Мало ли плешивых молодых людей? Седина тоже не свидетельствует о юном возрасте, однако ее так не боятся. Правда, у Пушкина в прелестном стихотворении повествуется о том, как

От меня вечер Леила
Равнодушно уходила.
Я спросил ее: Куда?
А она мне возразила:
— Голова твоя седа.

Но ведь у того же Пушкина в «Полтаве» юная Мария беззаветно полюбила Мазепу, джентльмена не первой молодости, с изрядною сединою.

В конце поэмы обезумевшая девушка не узнает возлюбленного и говорит ему:

Его усы белее снега. . .

Стало быть, Мария находила эти усы красивыми. Позволительно однако сомневаться, что

красавица полюбила бы гетмана, будь он не седым, а лысым.

Сократ был лыс. Многие философы, писатели, политики, ученые были лысы, как глобус. Лысым был Ленин, а смотрите, чего он натворил! Лысым был и крайне правый депутат Государственной Думы Пуришкевич, человек эксцентричный и реакционер, но несомненный умница. Однако можно сказать с уверенностью, что все лысые исторические персонажи охотно поступились бы частью своей известности в обмен на некоторое количество растительности на голове. Возможно, кроме Ленина. Ленин, надо полагать, сказал бы:

— Послушайте, это же архи-глупо. Когда пролетариат победит на всем земном шаре, вопрос о лысине отомрет вместе с государством.

Но в действительности вопрос о лысине, как и она сама, до нынешнего дня и не думает отмирать. (Государство, положим, тоже). Банкиры и колхозники, портные и президенты, генералы и художники, коммунисты и капиталисты, философы и мозольные операторы — равно страдают от плешивости. Это единственная платформа, на которой возможно всеобщее единодушие. И пожалуй, если бы человечество догадалось объединиться именно на этой почве, то давно были бы решены многие наболевшие вопросы.

Шестьдесят лет назад в журналах и газетах Российской империи печатались объявления, на-

чинающиеся широковещательными словами:

Я БЫЛ ЛЫСЫМ!

Далее содержались явно шарлатанские уверения, что де с помощью такого-то средства (кажется, оно называлось «Волосин») кому-то удалось избавиться от плеша. На участках, смазанных «Волосином», со страшной силой, в 24 часа выростали буйные кудри. В действительности ничего подобного не было.

И лишь в последние годы произошел сдвиг. Американский профессор-дерматолог д-р Стоу из университета штата Аркансо на страницах медицинского журнала «Академия общей медицинской практики» рассказал об успешных операциях по пересадке кусочков кожи с волосами на лысые места. Кусочки берутся с затылка, который обычно не подвержен облысению.

И все в порядке! Лысина исчезнет. Следует заметить, что из полусотни первых пациентов д-ра Стоу 49 были — врачи. Уж им ли не знать! Раз они соглашаются на эту, довольно мучительную операцию, стало быть, она дает желательные результаты.

Чтоб быть красивым, надо страдать, — утверждают умные французы. И врачи страдают. Приятно все-таки это сознавать, не правда ли?

Пересадка волос — дорогостоящая операция. Но медики народ денежный, не то что мы с вами. Как бы то ни было, утешительно сознавать, что

начало успешной борьбы с лысиной положено. По врагу произведен первый, но довольно сокрушительный удар. Порадуемся за ближних, хоть они и доктора медицины.

И представим себе впечатляющую картину сплошь волосатого человечества, бодродвигающегося к историческим горизонтам.

Неясным остается лишь одно: а как же быть с теми участками затылка, откуда взят пересадочный материал? Ведь там, выражаясь языком стратегов, произошло «оголение тыла»...

Не беда. На помощь придет веками испытанный метод так называемого внутреннего займа.

Выше головы, современники!

ВОЛОС МИНУВШЕГО

На улицах и в других местах полным полно сложно-волосатых мужчин различного возраста. И повеяло прошлым... Точнее сказать — несколькими эпохами сразу. Идет, например, Ноздрев, все у него как полагается Ноздреву, и самое характерное для него — бакенбарды. Но где он прятался до сей поры? По здравом размышлении я пришел к выводу, что именно волосяные украшения, как ничто другое, обнаруживают суть характера.

Ноздрев без бакенбард, конечно, был самым собою и раньше, но никто этого не замечал.

Или вот, заросший могучею, дремучею бородищей, начинающейся прямо от глаз, индивидуум. Да, именно индивидуум, честная личность, критически мыслящая личность. Сто лет назад эта личность несомненно читала бы Бокля и Спенсера, а нынче ей полагается читать Сартра, хотя едва ли она его читала. К чему? Главное ведь — иметь бороду, а мировоззрение придет само собою.

Любопытно, что после полу столетия безбородости и отчасти безусия на человечество обрушились все виды волосатости. Давно ли отросшие на загравке патлы придавали их носителю жалкий вид? На журнальных фотографиях поры кризиса 1929—30 годов безработные, стоящие в очереди

за бесплатным супом, при всей своей бедности и обездоленности, все же выглядят не такими брошенными и замусоленными, как нынешние люди с толстым слоем волос на затылке. Бедность безработного была приличной бедностью, человек старался держаться и не опускаться, как мог, сопротивлялся обстоятельствам.

Косматый затылок составлял черту или некоего отчаяния или примиренности с хроническим невезением. Но посмотрите на косматозатылочников сегодня. Они горды, потому что они модны. Один западнонемецкий миллионер, большой делец и заядлый плэйбой, щеголяет якобы-запущенным, на самом же деле тщательно обдуманым, стилизованным руками мастера цирюльного дела стогом каких-то слежавшихся (с помощью чертовски дорогого эликсира) даже не волос, а, сказать бы, волосей! И конечно, приятно, будучи не миллионером, а лицом без определенных занятий, но подающим большие надежды в области перестройки общества, носить такой колтун. Ибо втайне, подающее надежды лицо непрочь бы и ворочать капиталами и укреплять здоровье сегодня в С.-Тропезе, завтра в Акапулько, послезавтра на Силте. Модный колтун всех уравнивает. Приятно еще и то, что вызывающая небрежность прически (если можно назвать прической эту неческу) раздражает буржуа и филистера.

Только ведь это ненадолго. Буржуа и филистеры тоже себе на уме и на сугубо консервативных

позициях вечно сидеть не станут, а отрастят какие угодно гривы, потому что — мода! Долгогривость перестанет быть вызовом и превратится в общепринятую норму. Дабы отличаться от ненавистой нормы, подающим надежды реформаторам придется остричься покороче, соорудить проборчик и налоснить его фиксауарцем.

Однако, небрежность и беспорядочность того, что наши отцы называли шевелюрой (попутно — как прекрасно и точно звучит: «Парикмахер Влас Шевелюрин»!) на наших глазах становятся лишь двумя из многообразных явлений современной волосатости. Упомянутый выше Ноздрев со своими баками весьма озабочен этими сооружениями — их надо холить, сохранять их рисунок, подравнивать. А есть обладатели целой системы: у них усы с подусниками, какие носили в старое время бравые генералы, а кроме того — отдельные небольшие бачки, подвитая челка и длинные ангельские волосы.

Всегда взволнованная речь
И кудри черные до плеч.

Русская литература дала немало образцов в прозе и стихах, образцов, свидетельствующих, что в писательской душе никогда не угасал живой интерес к волосистой проблеме.

Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа
на плечах.

Да мало ли. . .

Лысый, с белой бородой
Дедушка сидит. . .

Народная песня:

С радости — веселья
Хмелем кудри вьются.
С горести — печали
Русые секутся.

Снова Пушкин:

И стал крутить свой длинный ус. . .

И опять песня:

Борода-ль моя, бородушка. . .

Пел ее молодой, безусый Шаляпин и бородушку публика, внимавшая певцу, только воображала. Ни Шаляпину, ни кому иному из людей сцены, не полагалось ни бороды, ни усов: неудобно гримироваться. Еще на моей памяти о людях, лишенных этих принадлежностей, говорили и писали: «Шел господин с бритым актерским лицом». А в начале прошлого столетия усы имели право носить исключительно военные. Какова, подумаешь, привилегия!

. . . Ходят по сегодняшнему цивилизованному миру этакие Добролюбовы, Златовратские, Чеховы (не полностью: недостает пенсне, которое еще сам Чехов писал непременно во французской транскрипции); вот, Мопассанов с пушистыми пленительными усами что-то не видать — стиль еще не достиг этой степени развития. Зато Денисы Давыдовы представлены тысячами экземпляров; встре-

чаются Бисмарки и даже президенты Крюгеры со своими бородами-жабо. Американские студенты, украсившие себя как-то необыкновенно быстро выросшими бородами, поразительно напоминают русских мужичков. Даже глаза их приобрели наивную ясность и простодушие.

Сходство дополняется мятыми брючками, похожими на те порты, что мужичкова жена соорудила из домотканной пестряди, да еще босыми ногами, большие пальцы которых укоризненно поглядывают вверх. Ноги, впрочем, чисто-чисто вымыты и не совсем босые: они покоятся на подошве архаической сандалии, держащейся неведомо как. В общем, так и кажется, что того и гляди, этот персонаж вымолвит что-нибудь вроде: «Это мы понимаем... Мы ведь не все гайки отвинчиваем... оставляем... Не без ума делаем... понимаем...»

Противоположность этим фигурам составляют красавцы-мужчины — в точности цыгане из хора.

И очи у них с поволокой, и смоляные усы над пунцовыми устами, и смуглота. . . эх, распошел! А имя у них, мне думается, должно быть: Данило. О таких певали чувствительные швейки:

Усы коль-цам д'завитые
Улыбом де-е-вицу манят. . .

Новый мир становится старомодным миром. Тоска, что ли, по давно ушедшему? Но какая же тоска, если основные кадры волосатиков, не считая студентов, ничего не читали, кроме разве пары карманных книжек на половые темы? Студенты, как-никак, сознательные опрошенцы, и пожалуй, я неправ, говоря об исконно-посконных мужичках, которых в натуре давно уже нет да и не будет. Скорее уж вспомнить бы другое: идет за сохой великий писатель земли русской, а возле него семенит Илья Ефимович Репин в отложном воротничке и с ван-диковской бородкой, контрастирующей с крестьянской бородой Толстого. Семенит Репин и находу делает зарисовки, увековечивая. . . Только нынешние опрошенцы, надо полагать, куда попроще, и что-то уж очень их много — Репиных не напасешься на них. Хотя в некоторой степени фоторепортеры исправно увековечивают.

Густо пошел волос расти на передовом человечестве.

ИЗ ОПЫТА

Воодушевленный статьями и письмами о порче русского языка, я решил поделиться собственным опытом в этой области. А также — некоторыми идеями и практическими соображениями.

Меня никогда не звали преподавать русский язык в нерусской школе. Это странно. Русский язык я знаю недурно и преподаватель я ничего себе, даже первоклассный, потому что, случилось, учительствовал в первом классе.

Помнится, я отдыхал душой, знакомя будущих агрономов с гениальным «Словом о полку Игореве». Впоследствии оказалось, что лекторское бюро ошиблось: моей аудиторией должны были быть вовсе не агрономы, а слушатели курсов по повышению квалификации воспитателей дефективных детей. Из-за той же ошибки, воспитатели дефективных слышали очень квалифицированного лектора, увлекательно обрисовавшего перед ними проблему яровизации картошки.

Фактически, русскому языку я обучал лишь полдесятка голодных берлинцев, вознамерившихся стать учителями этого языка (дело было в 1946 году). Ученье шло превосходно, если не счи-

тать серьезных трудностей с именами собственными. Мои ученики были твердо убеждены, что «Анушка», Марушка» и «Катинка» суть русские женские имена. До конца резуверить их в этом заблуждении мне, кажется, так и не удалось.

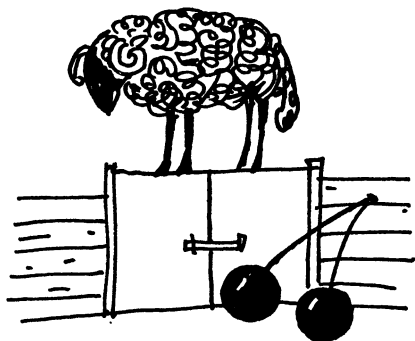
Впрочем, один немец, обучавшийся у меня в Берлине и особенно упорствовавший в отношении «Анушки» и «Марушки», сделал гигантскую научную карьеру в университете города Зурбагана (столица нового государства — Западной Канталупии). Встретясь с этим ученым мужем на Кони Айлэнде, где он проводил академические каникулы, мы очень мило побеседовали и он поделился со мною исследовательским и лекторским опытом. В частности, он изложил содержание собственного труда, в коем отстаивает ударение на последнем слоге в слове чайник.

Присоединив еще кое-какой дополнительный материал, полученный из аналогичных источников, я осмеливаюсь предложить, на пользу общую, нижеследующее.

Русский язык богат, но и своеобразен. В нем множество образных выражений, а также пословиц, поговорок и прочего, что может быть непонятным изучающим этот удивительный язык, на котором говорили Пушкин, Лермонтов, Демьян Бедный и Фридрих Энгельс.

Возьмем к примеру пословицу «Брань на ворота не виснет». Здесь имеет место явное искаже-

ние. Не брань, а баран (животное сельскохозяйственного значения, женский род: баранесса); не на каком-то странном «вороту», а на воротах, и «не виснет» (неизвестно, что значит это слово!), а —

не вишни. Смысл тот, что баран, находящийся на воротах, есть явление не совсем обыкновенное. «Баран на воротах — это вам не вишни!».

Углубляясь в тему, можно прийти к иному варианту толкования. Загадочное «на вороту» возникло в результате описки. Не «на вороту», а «на бороду». Можно домыслить, что древние русские имели обыкновение украшать свои бороды (конечно, летом) вишнями. Каково же было изумление этих чутких к красоте людей, когда некий модернист того времени прицепил к бороде, вместо вишен, целого барана! «Баран на бороду — не вишни!» — воскликнули очевидцы.

*

«Он украдкой смахнул слезу» — нередко читаем мы в русских романах. Возникает естественный вопрос: что такое у к р а д к а ? Здоровое чувство языка подсказывает, что украдка не что иное, как носовой платок (украденный).

*

«Ах вы, сени мои, сени!» поется в русской песне. Слово «сени» можно перевести на различные языки по-разному, но во всех этих словах отсутствует чисто русский лиризм, размах и задумчивость. Совершенно ясно, что песня имеет в виду не прозаическую прихожую, а пригожих юношей по имени Сеня. «Ах вы, Сени мои, Сени!» Можно объяснить, что-де в русских семьях был обычай давать сразу нескольким детям одно и то же имя. Об этом свидетельствует полное непринужденного юмора стихотворение незаслуженно забытого автора:

Не баловал мальчишек —
Ходили без штанишек:
Один, другой и третий,
И всех назвал я Петей!

*

«Что такое г л а з у н ь я ?» — спросит преподавателя любознательный студент. На что должен немедленно последовать ответ: глазунья это прелестная девушка с большими глазами.

*

Есть русское выражение «горячий конь». Это, разумеется, конь, которого едят в горячем виде.

Раз уж речь зашла о провизии, упомяну п и с - ч у ю бумагу. Это особый сорт бумаги, некогда употреблявшейся русскими в пищу. Если хозяйка дома была грамотна, она украшала бумагу различными буквами. Любители этого своеобразного русского блюда назывались буквоедами. Отголосок столь необычайных гастрономических склонностей находим в пословице, возникшей уже после 1917 года: «Хлеб-соль ешь, а «Правду» — режь». Здесь намек на неудобоваримость этой газеты.

В русское меню нередко входит с в и н е ц, иначе называемый поросенком, и «закузька», блюдо изобретенное неким поваром Кузькой и так понравившееся потребителям, что его едят не иначе, как предварительно выпив водки, причем непременно восклицают: «За Кузьку!»

Потрапезовав, русские пьют чай. Этот напиток неотъемлем от русского быта. Заветное желание выпить чаю так и называется ч а я н и е м. В разговорную речь вошли такие обороты, как «я чай», «ты чай» и т. п. Эти обороты усиливают утверждение чего-либо. Выражение «Я чай, встретимся еще» имеет смысл: «Мы встретимся, это так же несомненно, как то обстоятельство, что мы оба любим чай!»

Замечу мимоходом, что в некоторых местностях, где преимущественно пьют кофе, оборот «я чай» заменяется другим: «я кофий».

В заключение приведу еще некоторые причудливые особенности русского языка. Сносная плата означает плату, взимаемую «с носа», т. е. в индивидуальном порядке, с каждого покупателя или нанимателя в отдельности. Пьяницей русские люди называют алкоголика, а вовсе не человека, играющего на пьянино. Последний, в силу своеобразия русского языкового мышления, носит наименование фортепьяницы. Излишне пояснять, что пианист, пользующийся роялем, по-русски — роялист.

Не мешает иметь в запасе (кроме приведенных выше) одну-две русские пословицы или поговорки, например, такие: «Скоро сказка сказывается, но хрен редьки не слаще», «Милые бранятся, а потом долго чешутся», «Повадился кувшин по воду ходить, а он все в лес смотрит».

При известном усердии, пользующийся этими моими советами, конечно, преуспеет и, потрудившись на ниве просвещения, может похвалиться несколькими десятилетиями беспорочной службы. Это исконно русское выражение означает, что данный индивидуум нес службу исправно, вследствие чего ни разу не подвергся телесному наказанию — дело обошлось без порки.

(Иногда об этом приходится сожалеть).

ТРУДНЫЙ ЯЗЫК

Есть такие гениально одаренные натуры: они умудряются выучиться русскому языку, не всосав его с тем гигиеническим составом, который заменяет культурному человечеству материнское молоко.

Преклоняюсь.

Преклоняюсь, но не постигаю. Язык наш, как своевременно заметил беспощадно цитируемый классик, могучий. Он настолько могуч, что легко может сокрушить каждого, пытающегося им овладеть. Классик заметил также, что русский язык велик. В этом нет ни тени сомнения, как равно и в том, что он — свободный.

Наш язык даже слишком свободный. Его грамматика состоит главным образом из исключений, среди которых болтаются немошные правила. Когда человек, учащийся русскому языку, спрашивает учителя, почему нужно говорить «мы с ним», а не «я с ним», что может ответить учитель? «Так уж повелось» — вот что он может ответить. А почему повелось?

Ученик вполне резонно скажет, что слово «мы» означает некоторое число людей, но никак не

меньше двух. Итак, «мы» это, минимум, двое. Между тем выражение «мы с ним» подразумевает наличие только двоих, а не троих. Кстати, почему «двоих», а не «двух»? Или вот, только что употребленное «между тем». Самое слово «между» подразумевает тоже, самое малое, два предмета или обстоятельства. Логически, надо бы сказать «между теми». Так нет: извольте выражаться «между тем»! И не спрашивайте, почему.

Нам-то, говорящим по-русски с детства, не придет в голову спрашивать, мы привыкли к загадочным явлениям своего языка, но тем, кто не привык — суцая беда! Недаром русские, живущие в других странах, называют коренное население иностранцами. Иностранец, в нашем понимании, тот, кто по-русски не говорит.

И все-таки находятся сверхчеловеки, которые не только выучиваются русскому, но и говорят на нем. Можно изучить наш язык в совершенстве, написать десяток научных трудов о каких-нибудь там окающих говорах либо о происхождении словоерсов, однако не быть в состоянии объяснить с кондуктором. А сверхчеловеки откуда-нибудь из Бретани, из Охайо или Сычуани по-русски так и чешут!

Но поскольку интерес к русскому языку возрос, а гениев на свете маловато, изучение русского языка весьма затруднительно. Тем более, что, бывает, и учащие не тверды в том, чему учат. Одни чего-нибудь не знают, другие что-нибудь позабы-

ли, а третьи ухитрились забыть и то, чего не знали. Находясь в таком неприятном положении, очень трудно учить. И не менее трудно — переводить.

Попадется, например, фраза: «Вот оттого-то сыр бор и загорелся». Что такое сыр, переводчику известно. Заглянув в словарь, можно узнать, что такое бор. Слово загорелся тоже не ахти какая диковина. И рождается вдохновенный перевод. Если перевести этот перевод обратно на русский, получим: «Поэтому Вот, взяв с собой сыр, отправился в сосновый лес загорать на солнце».

Еще русское предложение: «За ужином дедушка приналег на гусиные полотки, а к утру приказал долго жить». В переводе это предложение приобретает несколько измененный смысл: «После ужина дедушка улегся спать на перинах, набитых пухом гусей, утром же он заботился о долголетьи своих потомков».

Своеобразие русского языка, обилие идиоматических выражений и непонятность русского бытового уклада очень усложняют писание сочинений на русские темы. Если бы я был нерусским писателем, я бы однако не убоился препятствий и настойчиво занимался бы русским языком и русским ведением. Накопив познаний, написал бы удовлетворительную вещь и может быть, сам бы перевел ее на русский язык. Могло бы получиться вот что.

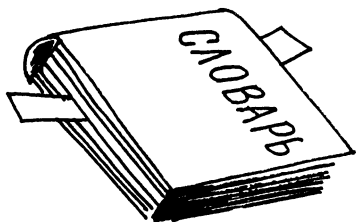
«Совнарком Катинка надел сарынь на кичку и поехал в третьяковку, где его встретил бояр Ива-

ничь. «О, как я делаю себя радовать!» воскликнул последний. «Сиди пожалуйста сверх этой стулы, голубец, но не дуй в ус!» Друзья пили водку, кушали чи и жареного индейца с марфушкой и свекром.

«Отдай мне твою красивую Оладью» — предложил Катинка. «Я сделаю ее главной госиздаткой или послицей по культурным подвязкам».

«На нет и судна нет!» — отвечал Иваничь и дружески ударил гостя балалайкой, после чего оба отправились в Большой Балет».

Конечно, приведенный отрывок содержит некоторые погрешности, но, как говорится в русской поговорке, «На всякого мудреца довольно и одной простаты»...

ЗВЕЗДНОЕ ВРЕМЯ

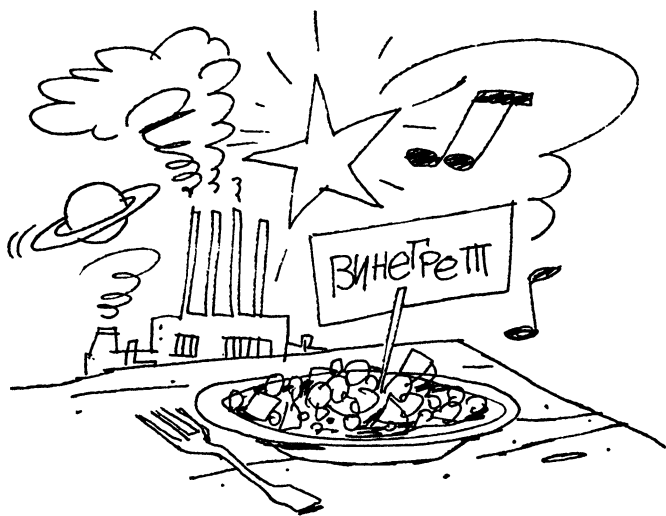
Встарину, лет тридцать назад... Нет, не тридцать, а сорок. Лет сорок назад очерки писались без особенных затей, хотя именно в то время они стали входить в моду и люди, писавшие их, были впервые названы очеркистами. Первые советские очеркисты очень любили технику, которая решает все.

Они также отдавали должное кадрам, ибо кадры, то есть люди, в конечном итоге, решают все. И они прекрасно отдавали себе отчет, что партия, правительство и лично товарищ Сталин пестуют кадры, которые осваивают технику и с помощью соцсоревнования и стахановского труда, добиваются неслыханных показателей.

И все это было величественно-скудно. Это было сурово, длинно, потно и чертовски актуально. Это было время пятилетки в четыре года, время встречных планов, рапортов, обязательств, черных и красных досок, премиальных патефонов, оклеенных алым и голубым дерматином, выездных агитбригад и радиоперекличек передовых и находящихся в прорыве.

В буфетах продавались зажаренные на воде голубые тушки выбракованных цыплят, конная-буденная колбаса и лиловый, необыкновенно кислый винегрет.

Винегрет пер по стране лавиной, заваливая свою остро-пахучею массой неосторожных прохожих, заводские корпуса и шахтные терриконы. Ко-

нечно, я прибегаю к образному способу выражаться, не следует понимать меня буквально, потому что на карте Союза было еще немало мест, куда еще не докатилось ни победное шествие ви-

негрета, ни таковое же — индустриализации. И кроме того, встречались многочисленные населенные пункты, где уже начинал иссякать и винограет.

Но не иссякала творческая сила партии.

«Багровое зарево стоит над ночными цехами. Иван Приблизительных приникает к смотровому оконцу, за которым бушует пламя. Он отрывается от смотрового оконца и глядит на приборы. Но приборы приборами, а есть у потомственного сталевара чувство — назовем его шестым или даже седьмым — чувство или ощущение, позволяющее этому великолепному пролетарию безошибочно угадывать момент завершения процесса.

Он подымает руку в рукавице. Время.

Р-р-раз!

Огненная масса, клокоча, льется в ковш. Есть плавка!

Утром на Доске Почета первым красуется имя Ивана Приблизительных во главе его бригады. 239 процентов плана. Пусть знают враги народа мощь пролетарской силы! Пусть чешут в затылке малoverы, в том числе сменный инженер Чередоев, происходящий из дворянской семьи, некогда владевшей обширными латифундиями.

А. Ударов.»

Нынче так очерков не пишут.

Пусть время от времени промелькнет в газете багровое зарево ночного завода и династия потомственных сталеваров, шестое или даже седьмое

чувство бригадира и даже Доска Почета. Но уже не говорится о 239 процентах плана: задача нынче в том, чтобы в очерке вещи выглядели повероятнее и сам очерк — поделнее. Маловер Чередоев давно сгинул на таежном лесоповале, канул в забвение очеркист А. Ударов, а сам Иван Приблизительных помер на пенсии. Сын же его, выращенный Ленинским комсомолом, инженер-коммунист Хельмут Приблизительных, директорствует на фабрике шариковых ручек. Металлургия его не привлекает — вот почему его дело — шариковые ручки, орудие интеллектуального труда.

А почему он Хельмут? Мода на иностранные имена.

Очерки пишут тонко и с философией. Прием лобового удара безнадежно устарел. Моника Чередоева, внучка незаконно репрессированного инженера, посмертно реабилитированного и оказавшегося происходящим вовсе не из дворянской семьи, владевшей латифундиями, а из семьи путевого обходчика, женщина с воображением и не без таланта. И есть у нее шестое, а возможно, и седьмое чувство, подвигающее на литературные новации. Она так и выражается: новации. И вот, Моника пишет о Хельмуте и о шариковых ручках.

Но как пишет?

Во-первых, она пишет на портативной машинке, сделанной в одной из стран социалистического содружества. Во-вторых, пишет с новациями, кои

закljučаются в том, чтобы в написанном присутствовали глубина и подтекст. Что такое подтекст? А черт его знает, но это не важно. В-третьих, пишет она не прямой наводкой, как писывали в тридцатых годах, а этак сбоку. Ее очерк о шарикоручечном микро-гиганте называется так:

СОК СОВСЕМ ОСОБЫЙ

Моника ЧЕРЕДОВА

Кажется, Гете назвал кровь «соком совсем особым». Человек распостерт на операционном столе и хирург склоняется над ним, чтобы вернуть к жизни. За стенами Института течет река неоновых огней. В областном театре дают «Гамлета», в Филармонии звучит Патетическая, та самая, которую слушал величайший и человечнейший из когда-либо рожденных на планете, на голубой и зеленой Земле.

Девушка говорит юноше: ты придешь домой. Ты сядешь за стол и напишешь мне те слова, которые сказал мне за два дома отсюда, у витрины магазина «Ткани», вот здесь, на улице Курчатова. И ты сам отдашь мне завтра это письмо, чтобы я прочла его наедине сама с собой, как читала Надежда Крупская письма Ленина.

И юноша порывисто говорит: да, я напишу. Он придет домой, сядет за стол, возьмет шариковую ручку, и...

Но тот, распостертый за стенами Института,

тот, над кем склонился хирург — он вернется к жизни лишь после того, как в его сосуды вольется щедрая струя сока совсем особого. Я часто задумываюсь над вещами, казалось бы, совсем посторонними теме, на которую пишу. Так вот и сегодня. Я пишу о шариковых ручках, о ручках, чье изготовление возглавляет инженер-коммунист Хельмут Приблизительных. Их делают много — и хороших. Элегантных, надежных, и плановые показатели вот-вот перевалят за 99 процентов.

Перевалят ли?

Должны перевалить. Гете писал гусиным пером. Ленин — стальным, «86». Он мокал его в трогательную чернильницу, которых теперь мало делают. Пришла эпоха шариковой ручки. Да, она пришла — но как трудно, как нелегко знать, что на современном нашем предприятии с умными машинами, с крепким коллективом и — это самое главное — чуткой, одухотворенной парторганизацией, есть еще люди-нарушители производственной дисциплины! По их вине, выпуск чудесных наших шариковых не достиг еще 99 процентов.

Психологически это понятно. Их, этих наших людей, гнетет сознание вины. И оно же мешает им, тормозит. . .

Гиппократ писал тростниковой заостренной палочкой. Поликрат писал, может быть, металлическим стержнем по навощенной табличке. Герострат едва ли писал — он был обуреваем комплексом неполноценности. . .

Но вот, возле проходной фабрики шариковых ручек висит объявление. Оно написано чертежной тушью на прямоугольном куске плотного картона. «Сдавайте кровь на донорский пункт. С товарищей, сдавших кровь, будут сняты все взыскания».

Подписано: Администрация.

Но все знают, что это примыслено коллективно: и администрацией, которую возглавляет инженер-коммунист Хельмут Приблизительных, и заводом, председательствуемым старым производственником-коммунистом А. Ф. Глазовым, и партийным комитетом фабрики, где, вот уже 15 лет, секретарствует коммунистка Эльза Бабаенок.

И я верю: больше, я уверена, что с доноров-добровольцев будут сняты не только взыскания. С них будет снят геростратовский комплекс и они, глубоко, прерывисто вдохнув чистый воздух нашего звездного времени, мощно двинут вверх кривую выработки..

... Человек, в чьи жилы влилась свежая кровь, через несколько дней, порозовевший и исцеленный, вернулся из Института домой. Юноша взял шароручку и написал. . . Но будем скромны — это чужая тайна.

Голубая и зеленая планета, где жил Ленин и где звучит Патетическая соната, мерно плывет в глубинах Космоса.

Моника ЧЕРЕДОЕВА.

УСТУПКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Скрипнули двери и в комнату вошла Рина Михайловна, молоденькая блондинка, многим замечательная. Во-первых, она была особой властного характера, во-вторых, у нее были ярко-зеленые глаза, в третьих же, она умела обращаться с мужем — качество, далеко не всем женам доступное.

Муж, тридцатипятилетний инженер-химик Вил Сидорович Некоторов, в данную минуту был весьма занят и озабочен, несмотря на ранний час и воскресный день: сидя в крохотной своей комнате, именуемой однако кабинетом, он спешно готовился к лекции в заводском клубе. Лекция должна была состояться вечером, а тема ее формулировалась так: «Религия в свете науки».

— Что же ты, Ри, поднялась ни свет, ни заря, когда еще черти на кулачки не бились? — приветствовал Вил Сидорович супругу.

— Прежде всего, брось, пожалуйста, папироску, потому что ты еще не завтракал. Затем: меня совершенно не интересует, бились ли черти на кулачки. А помимо прочего, я нахожу неуместным упоминать о нечистой силе, потому что мы сегодня идем в церковь крестить ребенка.

— Ребенка? — довольно глупо переспросил инженер. Следовало бы сказать:

— Крестить?

Но на инженерский язык пришло именно слово «ребенка».

— Да, дорогой товарищ, ребенка — если, конечно, вы не забыли о наличии ребенка в вашей семье и вообще в природе. Конкретно: Светланку.

— Позволь, позволь... Как это — крестить? Ведь это же в церкви?

— Насколько мне известно, это делается именно в церкви, а не в клубе или, например, в аптеке. Или, может быть, вы — иного мнения?

Когда Рина начинала разговаривать с мужем на-вы и употреблять иронические выражения (причем глаза ее переставали быть ярко-зелеными и становились зелено-синими), это означало, что лучше не вступать с нею в пререкания.

Инженер погасил папироску, взял другую, повертел между пальцами, придавил, незажженную, в пепельнице и вздохнул. Покосившись на Рину, он сказал:

— Хорошо, дорогая кица.

Жена его вышла. Вил Сидорович вытащил третью папироску и внимательно глядя на нее, задумался.

— Так... — думал он. — Ради мира и согласия в семействе, я пойду в церковь, и Светлана, дочь передовика производства, члена партии товарища Некоторова, будет окрещена. Очень хорошо.

Вечером же член общества распространения научных знаний товарищ Некоторов будет читать лекцию о несовместимости религии с наукой. Чюдненько! Просто подлость какая-то! Позор! Явное лицемерие!

Снова вошла Гина, принесла кружку молока и два рогалика. Молча поставила эту здоровую, но несколько скучную снедь на стол. Молча вышла.

— Впрочем есть еще один аспект. Допустим, девченка не будет окрещена, а я буду читать ту же лекцию. Все равно подлость — потому уже, что я вовсе не нахожу религию несовместимой с наукой. Множество великих ученых были глубоко религиозными людьми. Но и у меня самого голова на плечах и я прекрасно отдаю себе отчет в том, что моя лекция строится отнюдь не на объективных научных данных, а на явной системе псевдонаучных подтасовок.

Это будет лекция-сороконожка, на множестве тоненьких лапок, из которых каждая представляет собой тщательно выбранный и препарированный факт. Сам по себе он решительно ничего не доказывает: ни бытия Божия, ни Божия небытия. С такими фактиками, цитатками, утверждениями, если их искусно подобрать, можно отстаивать или, наоборот, отвергать что угодно. Настоящая схоластика, игра понятиями. А ради чего я взялся читать эту недобросовестную ахинею? Надо исполнять веление партии. Согласен. Однако, по сути, это — нечестно. Вот какая история с географией!

Вил Сидорович выпил молоко, посмотрел на булочки и пошел бриться. Бреясь, он слышал, как за стеной плакала Светлана и что-то приговаривала дитяти Рина.

Побрившись и одевшись, инженер вышел и сказал жене:

— Послушай-ка, Ринка... Я понимаю твои чувства и так далее. Но ведь ты и сама — некрещеная. Откуда же, скажи...

— А вот и крещеная!

— Ну как же: Рина, Октябрина. Никакой поп такого имени не мог бы тебе дать.

— А вот и не Октябрина! Октябрина это — по паспорту. А я — Екатерина, если хочешь знать! Катя. Понятно? Моя мама, как тебе известно, человек нормального ума. Уступку обстоятельствам она сделала. Но хоть и тайком, а меня снесла крестить и поэтому у меня есть и человеческое имя. Не то что у тебя, дорогой мой муженек. Вил! Ведь это же придумать надо: Вил!

— Ах, вот как! В таком случае учти, что Вил (по начальным буквам от «Владимир Ильич Ленин») — это тоже уступка обстоятельствам. Мое настоящее имя — Василий.

— Ой! Васенька! Слышишь, Светлана, твой отец — Вася!

— Да. Ты все-таки не кричи на весь дом. И так, я уже сказал, что твои естественные чувства понимаю и... уважаю. Но ведь наш ребенок уже имеет

имя: Светлана. А при крещении ей дадут другое имя, церковное. И опять, как с нами, получится двойственность. . . дуализм, так сказать.

— Жалкие попытки отбояриться! Просто ты трусишь, вот и все. Дрожишь за свою партийную репутацию. Да, я имела неосторожность выйти замуж за труса. Впрочем, все вы таковы: Бога не признаете, а наделали себе множество идольчиков, которым и поклоняетесь: репутация, карьера, научное мировоззрение. Можешь оставаться дома, я сама понесу ребенка.

— Ну что ты сердисься, киза! Я ведь только говорю, что нет такого церковного имени: Светлана. А ты уж и загорелась, как спичка! «Сама понесу!» У тебя и этих самых. . . как их? — кума с кумой нет. . .

— Не беспокойся: есть! Да и не в этом дело. А если бы в этом, так я бы к маме в Волчанск поехала с ребенком. Так ты идешь или нет, со мной?

— Иду, сказал же! А все-таки нет такого имени: Светлана. Это — из Жуковского!

— Скажи еще — из Маяковского! Есть православное имя Фотиния. В переводе с греческого означает: «светлая» или «Светлана».

— Постой, постой! Фотиния, говоришь? Да ведь мою бабушку так звали: Фотиния или Фетинья, а по простому, знаешь, как у нас в украинском селе — Хвесья. Так и мы, ребятишки: баба Хвесья да баба Хвесья. . .

— Ну вот, и дочка твоя будет в честь бабушки: Светлана, она же Хвеса. Подумаешь, делов куча! Только трусить не надо, дорогой товарищ!

Несколькими минутами позже супруги шагали по еще пустынным улицам в направлении Свято-духовской церкви. Светланка смирно лежала на руках у отца, пускала пузыри и чему-то загадочно усмехалась.

.

Но лекция на тему «Религия в свете науки» вечером все же состоялась

И не было от этого никому ни холодно, ни жарко.

РЕПКА

Итак, посадил дед репку. То есть, это несомненное упрощенчество — так говорить. Это значит: вылушивать голый факт, пренебрегая диалектически оболочками становления. Конечно, дед эту самую репку посадил, но ведь посадке предшествовало плановое предвидение, разработка плана и его конкретизация, доведение до нижнего конца вертикали.

Несмотря на все это, репка все-таки выросла, и притом большая-пребольшая. Точнее — широкогабаритная, с развитой корневой системой избыточной мощности.

Подоспела уборочная кампания. Дедка за репку, тянет-потянет, вытянуть не может. И неудивительно. Сказывается пренебрежение передовыми методами использования техники и неоднократно осужденная партией практикой подмены глубоко продуманной расстановки сил — пресловутым самотеком.

Позвал дед на помощь бабку. Дедка за репку, бабка за дедку, тянут-потянут, а вытащить не могут. Налицо — явная недооценка, с одной стороны, степени укорененности репки, а с другой — переоценка коэффициента полезного действия бабки.

Последняя, убедившись в тенденции дедки к заведомому завышательству коэффициента полезного действия данного агрегата (т. е. самой бабки), вместо того, чтобы поставить в известность местную партийную организацию, стала на путь гоголого администрирования, а именно:

Кликнула бабка внучку. Дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку, тянут-потянут, вытянуть не могут. Раз допущенная коренная ошибка в решении одного из кардинальнейших вопросов общегосударственной экономики автоматически потянула за собой ряд последующих ошибок, но отнюдь не потянула репку! При полном попустительстве не только бабки, но и самого дедки, внучка, даже не поставив вопроса на летучем производственном совещании, позвала Жучку. Характерно, что последняя бездумно и безответственно решила примкнуть к человеческому коллективу, даже не справившись в трудах В. И. Ленина о моральной допустимости такого акта. Вот яркий пример того, что бывает, когда проникающие с так называемого «свободного» Запада ядовитые струйки отравляют сознание как наших внучек, так равно и наших Жучек.

В создавшейся ситуации совершенно естественно, что — дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку, Жучка за внучку, тянут-потянут, вытянуть не могут. Как указывал еще Ф. Энгельс в своем незаконченном, но довольно гениальном труде «Диалектика природы», каждая ступень, если

она не верхняя и не нижняя, соседствует с двумя ступенями — одной вверху, другой же внизу по отношению к себе. Взаимозависимость моментов развития проявилась!

Позвала Жучка кошку. Теперь картина представляется в следующем виде. Дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку, Жучка за внучку, кошка за Жучку, тянут-потянут, но вытянуть репку все-таки не могут.

Инициатива переходит по нисходящей все далее. Как и следовало ожидать, кошка позвала на подмогу мышку. Но именно здесь, на критическом переломном пункте (ибо — кого могла пригласить, в свою очередь, мышка?) произошел диалектический переход количества в качество. Дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку, Жучка за внучку, кошка за Жучку, мышка за кошку, тянут-потянут. . .

— Перекур! — объявляет дед. Репка остается в земле, дедка куда-то отлучается и спустя некоторое время возвратившись, организует соревнование в честь следующего съезда партии.

И только после выработки условий соревнования, после приема обязательств и подписания договора — вытянули репку! Существует две версии: по одной, репка, проникнувшись сознанием высокой ответственности, сама принялась лезть из земли; по другой, дед догадался сбегать в сарай и принести лопату, которою подкопал и разрыхлил почву вокруг репки.

На очередь стал ряд важнейших вопросов: о продаже государству по заготовительным ценам надлежащей доли полученного урожая, а также дополнительной сверхплановой продаже государству, о своевременной доставке без потерь, об обеспечении семенного фонда и о распределении доходов. Все вопросы были решены наилучшим образом. Правда, последний пункт несколько подкачал, поскольку для распределения осталась только ботва, но нехватка была возмещена за счет бабкиной приусадебной грядки, где возделывалась морковь-коротель, лук-чеснок, порей-сельдерей и другие вспомогательные культуры.

Мышка, не будь дура, втихомолку отгрызла и утащила в норку изрядный кус коллективной репки, а Жучка и кошка остались при пиковом интересе. Так им и надо: недоучли момент материальной заинтересованности и принцип рентабельности, которые выдвигает партия в проводимой перестройке нашей экономики.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

На берегах Понта	5
Существа и вещества	12
Человек в демисезоне	16
Реалистический рассказ	20
Живая копейка	26
Операция «Смердяков»	33
Из истории пропаганды	37
Архимед	42
О молодости и о старости	47
Как писать воспоминания	53
Пирамида	59
Душа, тело и паспорт	64
Целесообразность	69
Континуум	74
Загадочная личность	79
Спецсвязи с соотечественниками	85
Удар по лысине	90
Волос минувшего	95
Из опыта	101
Трудный язык	107
Звездное время	111
Уступки обстоятельствам	118
Репка ,	124

Последние печатал в
«Крокодиле», а первые читал
знакомым.

На войне был корреспондентом
армейской газеты, что не
помешало ему единолично
взять в плен капельмейстера
немецкого военного оркестра.
За этот, не столь геройский,
сколько труднообъяснимый
поступок Илья Кожуркин
поплатился тем, что ему дали
алюминиевую медаль
огромных размеров. Судьбе
было угодно, чтобы Илья
после войны очутился не на
родине, а в дипийском лагере
Шлейсгейм под Мюнхеном.
Дальше биография этого
человека теряет оригиналь-
ность, становится такою же,
как у всех нас грешных.
Остается добавить, что все
рассказы — сплошной
плагиат: их, как и самого
Илью Кожуркина, сочинил
нижеподписавшийся

Юрий Большухин

